476919 р
4619

Многоуважаемому
Павлу Константиновичу
Симони
взаимно отъ автора

КАРАМЗИНЪ—ИСТОРИКЪ.

Библіотека
Педагогическаго Института
Самар. Губ. Земства.

В. С. ИКОННИКОВА.

Куйбышевская
№
Обл. Библиотека

Рѣчь, читанная въ собраніи 18 іюля 1911 г., по случаю открытія памятника Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. В. о., 5 л., 28.
1912.

8078
476919

Б О ИЮН 1904 476919

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ
БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского. „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Тир. 50000. Тип. КуАИ

Инв. 7126. 11019.

891.71.092
И42

КАРАМЗИНЪ—ИСТОРИКЪ.

БИБЛІОТЕКА
Педагогическаго Института
С Самар. Губ. Семства.

В. С. ИКОННИКОВА.

КНИГИ ИЗ СОБРАНИЯ
П. К. СИМОНИ.

Рѣчь, читанная въ собраніи 18 іюля 1911 г., по случаю открытія памятника Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ.

1942 г.

Куйбышевская
№ 476919
Обл. Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. В. о., 5 л., 28.
1912.

Извлечено изъ 2-го выпуска V-го тома «Остафьевскаго Архива».

Карамзинъ—историкъ *).

I.

Потребность въ исторіи Россіи была сознана одновременно съ завершеніемъ лѣтописанія. Попытки подобнаго рода при Петрѣ В. не имѣли успѣха, но уже одинъ изъ его „птенцовъ"—Татищевъ рѣшается выполнить эту задачу; но и онъ не пошелъ дальше вступительныхъ статей, свода лѣтописей и примѣчаній къ нимъ. Тогда думали, что такой трудъ можетъ легко совершить ученый, одушевленный лишь добрымъ желаніемъ и патріотизмомъ, который притомъ считалъ это дѣло своимъ правомъ: Ломоносовъ добросовѣстно ознакомился съ источниками, тѣмъ не менѣе примѣненіе ложно-классической теоріи о геройствѣ славянъ и дѣйствующихъ лицъ, не уступающемъ древнимъ грекамъ и римлянамъ, не принесло пользы, а въ трудахъ послѣдователей этого направленія (Эминъ и Елагинъ) было доведено до полнаго искаженія фактовъ [1]).

Но въ это время въ Россіи дѣйствовала уже плеяда ученыхъ, вышедшихъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, которые внесли въ изученіе источниковъ русской исторіи пріемы нѣмецкой науки и положили основаніе дальнѣйшей ея разработкѣ въ Россіи (Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Стриттеръ—„Memoriae populorum"). Послѣдующіе историки (Щербатовъ, Болтинъ) должны были считаться съ новыми требованіями. Кн. Щербатовъ, хорошо знакомый съ

*) Настоящій очеркъ представляетъ извлеченіе изъ монографіи о Карамзинѣ, входящей въ III-й томъ „Опыта русской исторіографіи".

исторической литературой другихъ народовъ, обставляетъ свой трудъ, задуманный имъ въ обширныхъ размѣрахъ (15 томовъ до ц. Михаила Θед.), богатымъ собраніемъ лѣтописей и документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ, и старается опереться въ своихъ положеніяхъ на выводы современныхъ политическихъ писателей Западной Европы (Бэйль, Монтескьё, Юмъ и др.). Болтинъ, слѣдуя тѣмъ же авторитетамъ, привлекаетъ еще большій запасъ историческихъ данныхъ и широко пользуется аналогіей, но систематической исторіи онъ не написалъ. Между тѣмъ какъ русскіе писатели все еще ломали копья изъ-за этнографическихъ вопросовъ и толкованія первыхъ страницъ лѣтописи, въ Парижѣ одновременно появилось два труда—французовъ, служившихъ прежде въ Россіи (Левека и Леклерка), доведенные до позднѣйшаго времени и снабженные планами, картами и портретами (во 2-мъ), одинъ изъ которыхъ (Левека) даже требовательною критикою (Шлецеръ, Карамзинъ), несмотря на существенные недостатки, былъ признанъ лучшимъ произведеніемъ въ этой области.

Еще Татищевъ настаивалъ на необходимости яснаго изложенія и красоты слога для историка, но признавалъ, что необработанность русскаго языка не позволяетъ пока выполнить это требованіе (I, с. IX). Не могли удовлетворить позднѣйшаго читателя и другіе труды. Въ то время даже среди образованныхъ людей, воспитавшихся на латинскихъ писателяхъ (какъ напр. П. В. Завадовскій), существовалъ взглядъ, что русская исторія до Петра В. совсѣмъ не интересна. „По моему мнѣнію, писалъ онъ, исторія та только пріятна и полезна, которую или философы, или политики писали. Но еще *наши науки и нашъ языкъ* не достигнули до того: то лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари“ (1800 г.) [2]).

Этой назрѣвшей потребности рѣшился удовлетворить Карамзинъ. „Могу и хочу писать исторію“, говоритъ онъ въ извѣстномъ письмѣ къ попечителю Московскаго университета М. Н. Муравьеву въ 1803 г., и въ томъ же году онъ былъ назначенъ исторіографомъ, чтобы имѣть возможность посвятить труды свои „полной исторіи отечества нашего“, какъ выражено въ указѣ. Въ это время Карамзинъ уже былъ „извѣстный писатель“, авторъ „писемъ русскаго

путешественника", лично знакомый многимъ знаменитостямъ ученаго и литературнаго міра Европы, почетный членъ Московскаго университета, притомъ отказавшійся отъ двухъ предложенныхъ ему профессуръ—въ Дерптѣ и Харьковѣ, „находя эту должность неблагопріятной для таланта" и „предпочитая заниматься и работать свободно, безъ всякаго принужденія". Вслѣдъ затѣмъ Карамзинъ писалъ тому же Муравьеву: „Я могу умереть, не дописавъ исторіи; но Россія должна всегда имѣть историографа. Десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ" [3]). Завѣтъ Карамзина не былъ исполненъ: мы не почтили этимъ званіемъ Соловьева, подобно Карамзину, всецѣло отдавшагося „Исторіи Россіи". Но Карамзинъ относился отрицательно къ ученымъ званіямъ, не оправдываемымъ дѣйствительными заслугами. „Спрашивается, говоритъ онъ, для чего Лафонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Ж. Ж. Руссо, Дидротъ, Дора̀тъ и многіе другіе достойные писатели не были членами Академіи? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быть академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть потомство. Главное дѣло не получать, а заслуживать. Не писатели, а маратели всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ" [4]). И въ 1816 г. онъ снова пишетъ: „до конца моей жизни *не назовусь* членомъ никакой Академіи, и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ" [5]). Однако позже (1818 г.) ему пришлось подчиниться настояніямъ другихъ.

Въ то время, когда Карамзинъ принимался за исторію, значеніе его понималось уже, какъ творца новаго слога. Близкій къ нему И. И. Дмитріевъ говоритъ: „Карамзинъ началъ писать языкомъ, подходящимъ къ разговорному языку образованнаго общества 70-хъ годовъ; въ составленіи періода началъ употреблять извѣстную сжатость, притомъ онъ воздерживается отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій; наконецъ соблюдаетъ естественный порядокъ въ словорасположеніи" [6]). Онъ допускалъ и заимствованія изъ иностранныхъ языковъ, но не противныя духу языка, къ которымъ, однако, слѣдуетъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ [7]). Приступивъ (въ 1797 г.) ко второму изданію своихъ „Писемъ", Ка-

рамзинъ цѣлыми десятками исключаетъ въ нихъ архаизмы („сей“, „оный“, замѣняя словами: этотъ) и варваризмы (діалогъ, вояжъ, интересный, національный, натуральный, эрудиція и пр.) [8]), а въ 1811 г. онъ считалъ уже безполезнымъ вступать въ споры о достоинствѣ русскаго языка [9]).

Татищевъ изучалъ языки польскій, нѣмецкій, французскій, отчасти шведскій, но долженъ былъ прибѣгать къ переводчикамъ [10]). Щербатовъ зналъ французскій и итальянскій языки [11]). Карамзинъ былъ счастливѣе ихъ въ этомъ отношеніи. Онъ хорошо зналъ нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки, позже усвоилъ французскій, а это содѣйствовало тому, что онъ ближе былъ знакомъ съ нѣмецкой и англійской идеалистической литературой и избѣжалъ ранняго вліянія легкихъ французскихъ произведеній, и въ его манерѣ описывать мелочи можно видѣть вліяніе усвоенныхъ имъ пріемовъ англійскихъ писателей [12]). Впослѣдствіи онъ изучилъ и латинскій языкъ настолько, что могъ свободно пользоваться его текстами въ своей исторіи. Влеченія къ древнимъ писателямъ соединялись у него съ теоретическимъ увлеченіемъ политической свободой и республиканскимъ правленіемъ. Онъ самъ признается, что тогда онъ „обманывался призраками революціи“, „мечтами о платоновской республикѣ“, готовъ былъ *кровію пожертвовать* для счастья людей; упоминаетъ о „надеждахъ и замыслахъ“, увлекавшихъ его; о надеждахъ, что въ концѣ вѣка послѣдуетъ общее соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностью [13]). То было время, когда онъ переводилъ Платона, Цицерона, Тацита, трагедію „Юлій Цезарь“ Шекспира, республиканскія идеи въ которой были сильно выражены и переводъ которой былъ даже запрещенъ [14]); когда онъ зачитывался надъ сочиненіями республиканца Шиллера (въ Парижѣ), находя мечты его „привлекательными“ и преклонялся передъ Виландомъ—нѣмецкимъ Вольтеромъ, съ которымъ, какъ и съ этимъ послѣднимъ, онъ познакомился еще въ юности. Но онъ цѣнилъ въ Вольтерѣ преимущественно борца противъ религіозной нетерпимости [15]). Въ Лондонѣ онъ „съ великимъ вниманіемъ“ читалъ соч. Делольма: „Конституція Англіи сравнительно съ другими образами правленія“ и съ любопытствомъ разсматривалъ англ. хартію [16]).

Воспитаніе въ пансіонѣ Шадена, гдѣ онъ научился цѣнить „наставленія Геллерта“, лекціи Шварца въ университетѣ и участіе въ масонскомъ кружкѣ Новикова, изъ котораго онъ впрочемъ скоро вышелъ, не найдя въ немъ цѣли для себя [17]), заставили Карамзина ознакомиться съ корифеями нравственно-мистической литературы отъ Юнга и Штурма до Геснера, Бонне и Лафатера включительно и, хотя въ натурѣ Карамзина не оказалось сочувственныхъ нотъ чистому мистицизму, но идеи чувствительности и добра, развитыя въ современной романической литературѣ, нашли въ нихъ прочную подготовку къ усвоенію началъ нравственной философіи въ ученіи лорда Шефтсбери, поэта Попа, романиста Ричардсона и ихъ послѣдователей въ Германіи [18]). Карамзинъ никогда не былъ строгимъ ортодоксальнымъ писателемъ, и деизмъ, проявленный имъ въ раннихъ произведеніяхъ (Деревня 1792; Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона 1793 и др.), настолько укрѣпился въ немъ, что далъ право одному изъ церковныхъ писателей впослѣдствіи (Иннокентій Борисовъ, архіеп. таврич.) назвать Карамзина „хорошимъ деистомъ“, а другому (архим. Гавріилъ)—„кантистомъ“ [19]). По собственному признанію Карамзина, онъ интересовался „практическою философіей“ (мораль, эстетика, психологія) и онъ самъ говоритъ, что въ философскія книги заглядывалъ тогда только „изъ любопытства“, предпочитая Канту—Виланда, Гердера, Попа, Галлера и т. п. поэтовъ-философовъ [20]). Но вѣнцомъ его литературныхъ влеченій и увлеченій былъ несомнѣнно Руссо. Не забудемъ, что онъ не былъ собственно французскимъ писателемъ. Онъ вышелъ изъ протестанской Швейцаріи и былъ сначала протестантомъ и снова потомъ сталъ протестантомъ. Провозвѣстникъ „природы“ и „чувства“ съ одной стороны, а съ другой врагъ „энциклопедизма“ въ лицѣ своихъ „бывшихъ друзей“, онъ долженъ былъ вдвойнѣ прійтись по душѣ Карамзину. Руссо ставитъ Ричардсона рядомъ съ Гомеромъ и дѣлаетъ его своимъ образцомъ въ „Новой Элоизѣ“, котораго такъ превозносилъ и Карамзинъ [21]). Послѣдній признаетъ Руссо „величайшимъ изъ писателей осьмаго-надесять вѣка, человѣкомъ рѣдкимъ, авторомъ единственнымъ“, „пылкимъ въ страстяхъ и слогѣ, убѣдительнымъ въ самыхъ заблужденіяхъ, любезнымъ въ самыхъ слабостяхъ“ [22]). Во время

путешествія онъ старается переживать настроенія Руссо [23]). Его „Новая Элоиза“ была настольной книгой Карамзина. Если Карамзинъ не соглашался съ Руссо относительно пользы наукъ и искусствъ, то необходимо имѣть въ виду и его оговорку: „Чувство выше разума, писалъ Карамзинъ Батюшкову: оно есть душа души, свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни“ [24]).

Карамзинъ не измѣнялъ Руссо и впослѣдствіи. Уже въ ноябрѣ 1811 г. онъ составилъ „Альбомъ“ для вел. княг. Екатерины Павловны ко дню ея тезоименитства, въ который онъ старался внести избранныя изреченія и мнѣнія, подходящія къ настоящему торжественному случаю, важному по личнымъ отношеніямъ автора. Въ составъ этого „Альбома“ вошли статьи на излюбленныя Карамзинымъ темы. Не говоря о религіозныхъ мотивахъ, взятыхъ изъ Іис. Сирахова, Іова, Боссюэта, Цицерона, Державина, Попа, Гете и его собственныхъ, почти всѣ статьи, касающіяся „любви къ отечеству“, размышленій о Богѣ, монархіи и самодержавіи, о добродѣтели, супружествѣ и дружбѣ заимствованы изъ Руссо и отчасти изъ Монтэня, котораго чтилъ какъ Руссо, такъ и Карамзинъ [25]). Для послѣдняго у Руссо были весьма близкія точки соприкосновенія. Руссо высоко ставилъ книги Новаго Завѣта и выражался, что никто на свѣтѣ не уважаетъ столько Евангелія, какъ онъ, называя его самой возвышенной изъ книгъ; онъ преклонялся передъ личностью Христа („Если Сократъ умеръ какъ мудрецъ, то Христосъ умеръ какъ Богъ“). Руссо съ самой страстной ревностью возстаетъ и противъ новаго атеизма, и противъ матеріализма, и возвращается къ вѣрѣ, которая основывается у него не только на доказательствѣ разума, какъ у Вольтера и англійскихъ деистовъ, но и на глубочайшихъ потребностяхъ сердца. Онъ заявляетъ, что питаетъ самое глубокое уваженіе къ закону и существующимъ учрежденіямъ и глубочайшее отвращеніе къ революціи и раздорамъ партій. Руссо отказался составить конституцію для Корсики и Польши, такъ какъ не зналъ обычаевъ этихъ странъ. Если бы былъ *народъ боговъ*, онъ управлялся бы демократически; но такая совершенная форма нейдетъ для людей, и, перебравши всѣ формы правленія, онъ считаетъ этотъ вопросъ довольно безполезнымъ, но замѣчаетъ, что „монархія, имѣя одну главу, поэтому во всѣхъ

вещахъ обнаруживаетъ всего больше силъ и твердости". Далѣе онъ требуетъ установленія государственной религіи, потому что религія нужна, чтобы граждане любили свои обязанности [26]).

II.

Подъ тѣми же литературными вліяніями и влеченіями сложились историческіе взгляды Карамзина. Во время своего путешествія Карамзинъ писалъ: „Примѣчанія достойно, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ, и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили французовъ и нѣмцевъ писать романы *какъ исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ вліяли въ исторію привлекательность романа умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живостью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ *Оукидида и Тацита* ничто не можетъ сравниться съ историческимъ тріумвиратомъ Британіи" [27]). Необходимо прибавить, что впослѣдствіи Карамзинъ является такимъ же поклонникомъ и романовъ Вальтеръ-Скота, съ которымъ не разставался до конца [28]).

Уже въ половинѣ 1797 г. Карамзинъ замѣтилъ: „Если Провидѣніе пощадитъ меня, если не случится того, что для меня ужаснѣе смерти..., займусь исторіею. Начну съ Джилліса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона—читать со вниманіемъ, дѣлать выписки; а тамъ примусь за древнихъ авторовъ, особливо за Плутарха. [29].) Въ это время онъ предпринялъ изданіе „Пантеона иностранной словесности", чтобы познакомить читателей съ произведеніями древнихъ. „Героизмъ" грековъ и римлянъ все еще манилъ къ себѣ художественное перо русскаго бытописателя. Тутъ не лишнее припомнить и указанное предпочтеніе Карамзинымъ Плутарха, обширная галерея героевъ котораго должна была имѣть внушительное вліяніе на Карамзина, признававшаго, вслѣдъ за Екатериной II, культъ великихъ людей или героевъ, возникшій у нея также на основаніи увлеченія древними писателями и въ особенности Плутархомъ, впрочемъ общаго XVIII вѣку.

Будучи въ Лондонѣ, Карамзинъ записалъ свои мысли, по поводу чтенія одного изъ выдающихся историковъ Англіи—Юма, страницы

котораго навели его на размышленія, ставшія его убѣжденіями, о печальныхъ послѣдствіяхъ политическихъ переворотовъ: „здѣсь была не одна французская революція, сколько добродѣтельныхъ патріотовъ положило свою голову на эшафотѣ“ и далѣе слѣдуютъ суровые приговоры о Кромвелѣ [30]). Въ это время (1792—93 гг.), преклонялся передъ Петромъ В., онъ замѣчаетъ (въ 1-мъ изд. „Писемъ“): „Доживемъ ли мы до того, чтобы какой-нибудь Философъ и Риторъ, какой-нибудь второй Робертсонъ описалъ жизнь и дѣла Петра Великаго“? [31]). Д. Юмъ, какъ и др. современные англійскіе историки (Робертсонъ, Гиббонъ), находился подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ историко-политическихъ писателей. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, велъ переписку съ Монтескьё и издалъ переводъ его „Духа законовъ“, вліяніе котораго, какъ и идей Вольтера, отразилось на его исторіи и философскихъ трактатахъ. Карамзину могъ нравиться Юмъ, какъ противникъ религіознаго фанатизма. Въ своей исторіи Карамзинъ пользуется Юмомъ для сравненія одинаковыхъ явленій у славянъ и англосаксовъ. Въ Юмѣ его могла привлекать и драматическая сторона изложенія. Частыя настоянія Карамзина на необходимости „красокъ“ и слѣдованія образцамъ древнихъ вытекали изъ его литературной школы и взгляда на исторію въ нач. XIX в., когда, слѣдуя греческой и римской традиціи, исторію считали искусствомъ по крайней мѣрѣ на столько же, какъ и наукой, и даже въ германскихъ университетахъ она долго не имѣла самостоятельнаго значенія и присоединялась то къ каѳедрѣ *краснорѣчія*, то (съ XVIII в.) къ государственному праву.

Съ писателями французской литературы Карамзинъ былъ близко знакомъ и пользуется ими въ исторіи. Вольтера онъ называетъ остроумнѣйшимъ писателемъ XVIII вѣка. Онъ обращается къ Монтескьё, для объясненія быта германцевъ сравнительно съ славянами и вліянія климата. Въ Парижѣ Карамзинъ съ удовольствіемъ читалъ соч. Мабли „объ исторіи Франціи“ (Observations sur l'histoire de France, 1791),—чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго“,—посвященную главнымъ образомъ „исторіи правленія“, по его выраженію. Сочиненіе Мабли оканчивается временемъ Людовика XIV, но въ немъ вездѣ ясно указывается на причины предстоящей революціи, которая теперь такъ интересовала Карамзина.

Французская критика отмѣтила въ этомъ произведеніи патріотическіе взгляды, вѣрныя мысли, опредѣленные принципы, своего рода національный трудъ, достойный имени Тита Ливія. Карамзинъ могъ почерпнуть въ немъ взгляды на исторію, какъ „скрижаль откровеній и правилъ“, „изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго“. Но въ „предисловіи къ исторіи“, вѣроятно, имѣетъ онъ въ виду другое сочиненіе Мабли „De la manière d'écrire l'histoire“ (P. 1783), въ которой авторъ требуетъ, чтобы исторія была интересна и съ этой цѣлью можно отбрасывать и сокращать все мало занимательное, какъ эти битвы, войны, сухіе факты, относящіеся къ древности, чтобы не утомлять читателей однообразными событіями и умѣть выбрать среди этихъ мелочей наиболѣе достовѣрное и пріятное для чтенія, говорить больше о характерѣ и обычаяхъ страны; обращать особенное вниманіе на важнѣйшія эпохи, выдающіяся націи и великихъ людей. Есть еще указаніе, что Карамзинъ совѣтывалъ [32]) Пушкину читать Гиббона, Монтескье, Вико и Беккарію. Въ предисловіи къ исторіи Макіавелли онъ называетъ „глубокомысленнымъ [33])“ и въ „Запискѣ“, когда онъ говоритъ, что „измѣняя число и власть сановниковъ, удержите хотя имя ихъ для народа“, то опять ссылается на „умнаго Макіавелли“.

Возражая противъ мнѣнія Вольтера о происхожденіи расъ, Карамзинъ вслѣдъ за Монтескьё приписываетъ важнѣйшее вліяніе на особенности славянскаго племени — климату, какъ главному фактору въ племенныхъ отличіяхъ человѣческаго рода (I, 31, 43), и такое же значеніе отводилъ климату Гердеръ, произведенія котораго Urkunde des mänschlichen Geschlechts и „Богъ“ онъ читалъ и находилъ прекрасными, восторгаясь въ нихъ „восточнымъ великолѣпіемъ“, [34]) но безъ сомнѣнія Карамзинъ былъ знакомъ и съ его „Идеями“. Гердеръ, стоявшій на почвѣ постепеннаго историческаго процесса и слѣдившій за развитіемъ гуманности въ человѣческихъ обществахъ, не могъ не понравиться нашему автору. Подобно Монтескьё, признающему весьма важными факторами народные обычаи и нравы, Гердеръ придавалъ большое значеніе традиціи, преданію. И Карамзинъ въ своей исторіи говоритъ: „Древній обычай сильнѣе убѣжденій духовенства, церковныхъ казней и требованій разума. Люди охотнѣе подвергаются волнамъ и бурямъ,

476919

нежели беззаконному насилію правительствъ. Истинный правитель умѣетъ уважать народные обычаи и никогда не дѣйствуетъ вопреки его правамъ и навыку“ [35]). Въ поэтическихъ очеркахъ Гердеръ представляетъ постепенное развитіе міроваго организма отъ самыхъ простыхъ формъ до человѣка, который въ свою очередь представляется ему посредникомъ двухъ міровъ—физическаго и духовнаго, въ которомъ продолжается дальнѣйшее совершенствованіе. Для развитія общества необходима гражданственность, а она не мыслима среди хаоса и безпорядка, какими представляются ему народныя волненія и особенно средніе вѣка.

Съ другой стороны, Карамзинъ, удивлявшійся Юму въ изъясненіи причинъ и слѣдствій, вполнѣ пошелъ за нимъ въ признаніи за привычкою—основнаго фактора историческаго развитія. Привычки, говоритъ Юмъ, образуютъ наши нравы, нравы образуютъ общественную публичную жизнь людей и ея устройство. Измѣнить это устройство значитъ измѣнить нравы и привычки. Но привычки происходятъ постепенно; точно такъ же только постепенно онѣ могутъ быть измѣняемы. Кто въ своихъ понятіяхъ не принимаетъ въ разсчетъ этой силы человѣческой жизни, тотъ не способенъ понимать *исторію*. Горе тому, прибавляетъ Юмъ, кто прикоснется до почтенной древней рухляди, до дорогаго наслѣдія предковъ [36]). Карамзинъ не измѣнялъ Юму и въ позднѣйшіе годы. Въ августѣ 1812 г. въ томъ же письмѣ, въ которомъ сообщалъ Дмитріеву, что, въ виду надвигающихся опасностей, онъ радъ сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ московскою удалою дружиною примкнуть къ нашей арміи, онъ прибавляетъ: „Теперь, безъ исторіи и безъ дѣла, читаю Юма о происхожденіи идей [37]).

Еще въ 1796 г. Карамзинъ признавался кн. Вяземскому о перемѣнѣ своего настроенія въ пользу философіи [38]). Въ 1800 г. Карамзинъ писалъ, что онъ умножилъ свою библіотеку новыми покупками, только не романами, а *философскими и историческими книгами*. Позже (1822) онъ сообщаетъ, что опять на свободѣ *читаетъ нѣмецкихъ метафизиковъ* [39]). Необходимо замѣтить, что рядъ сочиненій Канта „о правахъ“, „о правѣ“, „о добродѣтели“ носитъ названіе „метафизическихъ основаній“ или „началъ“, и можно полагать, что Карамзинъ былъ знакомъ съ ними; но и независимо

отъ того совпаденія въ мнѣніяхъ были возможны. Въ нравственномъ ученіи Канта видно вліяніе Руссо и Юма. „Эмиль“ Руссо овладѣлъ всѣмъ существомъ Канта, а портретъ его автора былъ единственнымъ въ его кабинетѣ [40]). Во время посѣщенія кенигсбергскаго философа, Карамзинъ выслушалъ наставленія о „цѣли жизни“, „о нравственномъ законѣ“, „о будущемъ человѣка“ — вопросы, которыми онъ такъ интересовался и о которыхъ любилъ размышлять [41]). Вопросъ о добродѣтели составляетъ основной критеріумъ въ сочиненіяхъ Карамзина отъ первыхъ его повѣстей до исторіи включительно. Государство должно содѣйствовать осуществленію тѣхъ же началъ добра и справедливости.

Путешествіе познакомило Карамзина съ общественною и политическою жизнью Западной Европы, а событія, наступившія вслѣдъ затѣмъ, оказали въ свою очередь рѣшающее вліяніе на образъ его мыслей. Швейцарія нравилась ему патріархальною простотою нравовъ; Англія—прочностью и уваженіемъ законовъ (см. Делольмъ) и судомъ присяжныхъ. Франція—общественной жизнію, привлекательность которой заставляла забывать ея недостатки, хотя развившіяся на его глазахъ политическія событія наводили на печальныя мысли о непрочности всего существующаго. „Не конституція, а просвѣщеніе англичанъ есть истинный ихъ палладіумъ“, говоритъ Карамзинъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Утопія (Моруса) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ *исполниться неприметнымъ дѣйствіемъ времени*, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ [42]). Но все-таки общечеловѣческое начало брало еще верхъ у Карамзина надъ частнымъ, какъ у послѣдователя просвѣтительной эпохи XVIII вѣка. Въ Парижѣ онъ оспаривалъ Левека за его пренебреженіе къ реформѣ Петра В., но впослѣдствіи онъ самъ судилъ уже иначе. „Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ вслѣдъ другъ за другомъ“. „Всѣ жалкія іереміады, говоритъ Карамзинъ, объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіономіи, или ничто иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи“. „Все

народное ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Могу ли не воспламениться любовію къ отечеству, представляя себѣ Петра?“ [43]).

Въ 1801 г. Карамзинъ написалъ похвальное слово Екатеринѣ II, въ которомъ она является продолжательницею дѣла Петра В. „Она явилась на престолѣ, чтобы возвеличить твореніе Петра, чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра“, и, обозрѣвъ ея учрежденія и побѣды, онъ восклицаетъ: „Духъ Петра В., Ты утѣшился!“ Оба они представляются ему „великими людьми“, „героями“, которымъ суждено было вознести Россію на высоту величія и славы. И еще въ 1803 г. онъ задавалъ себѣ вопросъ: „Гдѣ старцы, которые еще недавно говаривали со слезами о Петрѣ Великомъ“ [44]).

III.

По возвращеніи въ Россію [45]), Карамзинъ пережилъ французскую революцію и возстановленіе монархіи, раздѣлъ Польши, суровое царствованіе Павла и новый переворотъ. Онъ вѣрилъ, что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума (писалъ онъ въ 1806 г.). „Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи... мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ“ [46]). Какъ и во время путешествія, Карамзинъ продолжалъ утверждать, что республика держится вѣрностью историческимъ традиціямъ и добрыми правами, которые онъ ставилъ рядомъ съ уваженіемъ законовъ природы и счастливое сочетаніе которыхъ онъ видѣлъ именно въ Швейцаріи (хотя и не одобрялъ борьбы партій въ Женевѣ и олигархическихъ тенденцій въ Бернѣ). „Вотъ почему, замѣчаетъ онъ, монархическое правленіе гораздо счастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайностей и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой республика падаетъ“ [47]).

Съ той же нравственной точки зрѣнія смотритъ Карамзинъ

и на причины паденія Польши. „Республика, говоритъ онъ, безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, ѳеатромъ ихъ своевольства и народнаго униженія“ [48]). Вслѣдъ за Монтескьё и Фергюсономъ, онъ полагаетъ, что свобода состоитъ въ обезпеченіи того, что дается закономъ.

Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый, не боясь, живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый.

(Ода на коронованіе импер. Александра). [49])

Не слѣдуетъ, однако, думать, что вліяніе событій оказало воздѣйствіе на одного только Карамзина, какъ историка. Ранке, вспоминая прошлое, замѣчаетъ, что еслибы восторжествовали революціонные принципы, то всемірная исторія въ объективномъ смыслѣ сдѣлалась бы невозможностью [50]). Точно также Нибуръ въ своихъ письмахъ о событіяхъ 20-хъ годовъ говоритъ: „Мы находимся въ положеніи римлянъ во времена Гракховъ и должны страшиться такихъ же ужасовъ. Тотъ, кто не видитъ этого, слѣпъ... Теперь я понимаю Катилину“ [51]). Назвать Карамзина консерваторомъ въ отрицательномъ смыслѣ слова мы не можемъ. Событія первой четверти XIX в. поддерживали въ немъ только настроеніе, созданное раньше. „Здѣсь *либералисты*, тамъ *сервилисты*, писалъ онъ императору Александру въ 1822 г., подразумѣвая подъ первыми всѣхъ, расположенныхъ къ новымъ теченіямъ, а подъ послѣдними—людей, стоящихъ за все старое, въ угоду правительству, склонному тогда уже къ реакціи“; но прибавлялъ: „истина и добро *въ срединѣ:* вотъ Ваше мѣсто, прекрасное, славное! Стойте же на часахъ безъ усталости“ [52]). Въ то же время (1818 г.) онъ пишетъ Дмитріеву: „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію, судятъ, рядятъ, начинаютъ и писать. И смѣшно и жалко! Но будетъ, чему быть. Знаю, что государь ревностно желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія—и слава Богу! Пусть молодежь ярится; мы улыбаемся“ [53]).

При всемъ томъ Карамзинъ глубоко вѣрилъ въ силу просвѣщенія и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ближе не къ Руссо, а къ Вольтеру, какъ человѣку реформъ посредствомъ просвѣщеннаго правительства. Онъ говоритъ, что Екатерина II въ твореніяхъ славнѣйшихъ авторовъ и философовъ искала для себя правилъ мудрой политики... И въ одѣ на восшествіе на престолъ Александра I онъ взываетъ:

„Ты будешь солнцемъ просвѣщенья,
Наукой счастливъ человѣкъ".

„Но унижается ли монархъ, спрашиваетъ Карамзинъ, когда онъ платитъ дань уваженія любимцамъ природы, отличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ ли еще служить опорою для политической власти? *Добродѣтель и просвѣщеніе* должны быть основаніемъ государственнаго благоденствія..." [54]). „Наука, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи" [55]). Онъ ставитъ въ образецъ нѣмецкіе университеты и по методамъ, и по широтѣ преподаванія. Онъ желалъ преуспѣянія Московскому университету и привѣтствовалъ открытіе въ немъ публичныхъ лекцій [56]). Съ другой стороны, онъ весьма критически и даже сурово относился къ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, не стоявшаго на высотѣ своего призванія. Въ 1811 г. (въ „Запискѣ") онъ говоритъ: „Министерство такъ наз. просвѣщенія въ Россіи донынѣ дремало, не чувствуя своей важности, и, какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени, единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ государя". Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о центральномъ органѣ управленія, ибо ученые въ авантажѣ не обрѣтались. Позже онъ осуждалъ какъ мистическія тенденціи въ министерство кн. А. Н. Голицына (отъ чего „должно умножиться число лицемѣровъ"), сопровождавшіяся печальнымъ дѣломъ Петербургскаго университета и возмутительными дѣйствіями Магницкаго въ Казани (причемъ онъ не исключаетъ [57]) и „мистической вздорологіи" своего пріятеля Стурдзы) [58]), такъ равно и обскурантизмъ преемника кн. Голицына — Шишкова, выступленія котораго „противъ гра-

моты“ и грубыя выходки цензуры приводили Карамзина въ негодованіе. Подобныя дѣйствія высшаго органа просвѣщенія дали право Карамзину назвать его „министерствомъ затменія“—отзывъ, надолго удержавшій свое значеніе.—Однако Карамзинъ прибавляетъ: „Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ, т.-е. увѣренъ въ милости Божіей“ [59]). И не странно ли? Кутузовы, Магницкіе, Руничи, Карнѣевы, Шишковы могли стоять во главѣ „просвѣщенія“ и продѣлывать съ нимъ свои эксперименты, а когда заходила рѣчь о Карамзинѣ, то находили препятствіе въ маломъ его чинѣ [60]).

Воспитанію Карамзинъ придавалъ большое значеніе. „Много ли у насъ характеровъ, писалъ онъ, и молодой человѣкъ *съ ръшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе?“ [61]). Онъ привѣтствовалъ заботы Екатерины II и Александра I о народномъ образованіи, предлагалъ позаботиться объ увеличеніи средствъ для подготовки учителей; объ увеличеніи сельскихъ школъ; совѣтовалъ дворянамъ обратить вниманіе на это дѣло; предлагалъ привлечь къ тому и духовенство. Противникамъ просвѣщенія онъ ставитъ въ примѣръ многихъ швейцарскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ поселянъ, которые пашутъ землю и собираютъ библіотеки; пашутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что музамъ и граціямъ не стыдно посѣщать ихъ (называетъ примѣры). Въ Англіи ремесленники читаютъ Юмову исторію, служанка Іориковы проповѣди и Кларису; лавочникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шериданомъ краснорѣчіи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревняхъ“. Карамзинъ очевидно остается вѣренъ высказаннымъ мнѣніямъ, когда писалъ, что „просвѣщеніе есть лѣкарство для испорченнаго сердца и разума, спасительный антидотъ для всѣхъ дѣйствій человѣка“ [62]).

Подобныя мнѣнія, конечно, не могли нравиться обскурантамъ, почему Карамзинъ былъ предметомъ доносовъ въ цар. Павла I и при Александрѣ I, даже не смотря на его близость ко двору,—отъ такихъ людей, какъ тѣ же Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, Магницкій, Руничъ, цензоръ Туманскій [63]) и т. п. Въ

476919

зависимость отъ просвѣщенія Карамзинъ ставилъ и освобожденіе крестьянъ, которое онъ отдаляетъ на много лѣтъ [64]). Необходимо, однако, помнить, что онъ стоялъ въ этомъ вопросѣ на той точкѣ зрѣнія, на какой находились и нѣкоторые либеральные дѣятели того времени (Каразинъ, Мордвиновъ, И. В. Лопухинъ), между тѣмъ какъ безусловные консерваторы, Аракчеевъ и Кайкринъ, поддерживали правительственные проекты объ освобожденіи крестьянъ. Независимо отъ того, здѣсь снова сказался въ Карамзинѣ послѣдователь Руссо, который призываетъ къ осторожности при введеніи реформъ и между прочимъ относительно крѣпостного права: „не освобождайте тѣла раньше души“, говоритъ Руссо, и далѣе онъ подтверждаетъ, что „страна, подверженная перемѣнамъ, всегда бываетъ слаба“ [65]).

IV.

Въ 1809 г. вел. княж. Екатерина Павловна вступила въ бракъ съ принц. Георгомъ Ольденбургскимъ, который въ званіи генералъ-губернатора поселился въ Твери († 1812 г.). Въ послѣднее время выяснено все вліяніе Екатерины Павловны въ важнѣйшихъ событіяхъ первой половины цар. Александра I. Съ этого времени началось сближеніе Карамзина съ Екатериною Павловною, которую онъ училъ русскому языку, а черезъ нея съ импер. Александромъ и дворомъ вообще, продолжавшееся и послѣ переселенія Карамзина въ Петербургъ въ 1816 г. [66]). Въ Твери же начались чтенія Карамзинымъ, въ присутствіи государя, цесар. Конст. Павл. и в. кн. Екатерины, его исторіи, и отсюда же вышла знаменитая его „Записка“ (1811 г.), представляющая рѣзкую критику современныхъ реформъ, связанныхъ съ именемъ Сперанскаго, и основанная на извѣстныхъ уже намъ положеніяхъ Карамзина о важности историческихъ основъ государства, народныхъ преданій и обычаевъ, о необходимости постепеннаго гражданскаго развитія и т. д. [67]). Идеаломъ такой политики въ его мнѣніи является Екатерина II. Ссылки въ „Запискѣ“ пестрятъ именами Монтескьё и Макіавелли. Вѣрный принципу мирной политики, онъ указываетъ на вредъ военныхъ предпріятій, возражаетъ противъ напрасныхъ завоеваній новыхъ областей и настаиваетъ на необхо-

димости внутреннихъ улучшеній, гражданскаго благоустройства, отдавая при томъ преимущество не столько перемѣнамъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, сколько въ счастливомъ выборѣ людей [68]).

Очевидно тѣ же мнѣнія проводилъ Карамзинъ и при свиданіи съ Александромъ, когда „не соглашался съ нѣкоторыми мыслями монарха“ и когда вручилъ ему свою „Записку“. Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II (1801) Карамзинъ постоянно соединяетъ имя Петра съ ея дѣяніями. Въ „Запискѣ“ онъ отдаетъ уже полное предпочтеніе дѣятелямъ медленнаго, постепеннаго прогресса. „Явился Петръ... Его цѣлью было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ европейскихъ. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія: художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ... Пусть обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для Монарха самодержавнаго... Въ семъ отношеніи государь можетъ дѣйствовать примѣромъ, а не указомъ“ [69]).

Говоря о преимуществахъ самодержавія, Карамзинъ разумѣлъ его въ духѣ „Наказа“ Екатерины II. „Главное дѣло сей незабвенной монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей“, говоритъ онъ. ...„Петръ, насилуя обычаи народные, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ; Екатерина могла обойтись безъ нихъ... Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній разума... Петръ удивилъ Европу своими побѣдами, Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ... Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: *мы взяли свое.* Правиломъ монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ Имперіи, рожденной побѣдами“ [70]). Въ Запискѣ есть нападки на дѣйствія Екатерины II, но они касаются явленій нравственнаго характера.

По своимъ мнѣніямъ, сложившимся на основахъ нравственной философіи, Карамзинъ былъ противникомъ войнъ, рисуя ихъ въ

самыхъ мрачныхъ краскахъ. И въ утвержденіи власти Наполеона онъ видѣлъ вначалѣ торжество порядка и прекращеніе революціи. Но когда стремленія Наполеона вполнѣ обозначились, онъ высказалъ (въ „Запискѣ“) иной взглядъ на него: „Ужасная французская революція была погребена, но оставила сына, сходнаго съ нею въ главныхъ чертахъ лица“. Во время нашествія Наполеона на Россію, послѣдній представлялся Карамзину уже настоящимъ „Тамерланомъ“ и „всемірнымъ злодѣемъ“ [71]).

V.

Въ 1816 г. Карамзинъ появляется въ Петербургѣ съ 8-ю томами своей исторіи, возобновляетъ сношенія съ Дворомъ и издаетъ свой трудъ на государственныя средства, не безъ посредничества, однако, гр. Аракчеева. Окунувшись въ сферу старыхъ связей и новыхъ отношеній, онъ съ особеннымъ расположеніемъ былъ встрѣченъ мецепатомъ русской исторической науки, гр. Румянцовымъ, который благосклонно (какъ и братъ его) отнесся къ его труду, „безъ зложелательства и фальши, хотя мы и разныхъ системъ“, замѣчаетъ Карамзинъ. Другимъ мѣстомъ отдохновенія Карамзина было общество „Арзамасцевъ“. Но онъ хвалится также „ласками жителей и бояръ“; онъ признается, что закружился въ омутѣ большого свѣта [72]). Въ октябрѣ 1819 г. въ жизни Карамзина повторился моментъ, напоминающій эпизодъ съ „Запиской о древней и новой Россіи“. Мы говоримъ о „Мнѣніи русскаго гражданина“, представленномъ импер. Александру и касающемся вопроса „о возстановленіи древняго королевства Польскаго съ присоединеніемъ западныхъ губерній“. Развивъ подробно мысли на тему о невозможности мѣшать Евангеліе съ политикой, Карамзинъ ставитъ вопросъ: „сіе возстановленіе (Польши) согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи, согласно ли съ обязанностями императора, съ его любовью къ Россіи и съ самой справедливостью?... Мы взяли мечемъ Польшу, вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній... Для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ; иначе мы долженствовали бы возстано-

вить и Казанское, Астраханское царства, Новгородскую республику, вел. княж. Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда коренными достояніемъ Россіи... Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской... Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше отечество... Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю“ [73])... Напомнимъ, что и многіе изъ декабристовъ осуждали намѣреніе Александра I присоединить къ Польшѣ старыя русскія земли. „Записка о Польшѣ“ была читана Александру Карамзинымъ въ его кабинетѣ, и они пробыли вмѣстѣ 5 часовъ (8—1 ч. ночи); затѣмъ слѣдовали новыя свиданія, и Карамзинъ думалъ, что они „разстались навѣки“. „Душа моя остыла“, прибавляетъ онъ. Но онъ ошибся. Расположеніе государя къ нему не измѣнилось до конца (1819—1825) [74]). Уже съ осени 1823 г. семья Карамзина знала о планѣ престолонаслѣдія, составлявшемъ тайну, а онъ имѣлъ рядъ бесѣдъ о предметахъ государственной важности. „Я не безмолвствовалъ, говоритъ онъ, о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой (Гурьевской) системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о министерствѣ народнаго просвѣщенія *или затменія*, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, *наконецъ о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные*“. Въ послѣднюю бесѣду (28 августа 1825 г.) онъ говорилъ Александру, что лѣта Его сочтены и что ему предстоитъ еще сдѣлать не мало, чтобы конецъ его царствованія былъ достоинъ прекраснаго начала. „Государь, замѣчаетъ Карамзинъ, выразилъ согласіе, прибавивъ, что непремѣнно сдѣлаетъ все, дастъ коренные законы Россіи“ [75]). Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Карамзинъ руководился сознаніемъ долга. Своему другу А. И. Тургеневу, часто отвлекавшемуся за границу, онъ уже въ 1825 г. писалъ, призывая его въ Россію: „Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать единственно въ Россіи; или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка, есть только двуножное животное...

Такъ мы съ вами давно разсуждали; значитъ, что я не перемѣнилъ понятій въ ваше отсутствіе; съ ними вѣроятно и закрою глаза, для здѣшняго свѣта, pour voir plus clair“ [76]).

VI.

Мы уже знаемъ объ историческихъ влеченіяхъ Карамзина. Во время путешествія онъ читалъ историковъ и попутно знакомился съ памятниками древности [77]). Въ 1799 г. онъ почувствовалъ охоту писать болѣе *прозою,* „чтобы не загрубѣть умомъ“, сообщалъ онъ Дмитріеву. „Я умножилъ свою библіотеку новыми покупками, только не романами, а *философскими и историческими книгами*“; а спустя годъ (май 1800 г.) уже пишетъ ему: „Я по уши влѣзъ въ русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ“. Въ своихъ замѣткахъ (1800) онъ дѣлаетъ наброски о пользѣ исторіи, объ урокахъ благоразумія, твердости и государственнаго блага, какіе она преподаетъ; сравниваетъ ее съ Библіей для христіанъ; указываетъ на обширность и многоплеменность Россіи на разныхъ степеняхъ просвѣщенія и т. д., и тутъ же прибавляетъ, что „народъ, презиравшій свою исторію, презрителенъ, ибо легкомысленъ, — предки были не хуже его“, съ поученіями изъ Тацита (Hist. IV, 84) [78]). Если ему не удалось написать похвальнаго слова Петру В. (1798), для котораго „недовольно было одного риторства“, а потребовалось бы ближе познакомиться съ русской исторіей и прочесть многотомнаго Голикова [79]), то и „Марѳа Посадница“ (1803)—все „еще историческая повѣсть“, для украшенія которой пришлось отправить „героиню“ на эшафотъ, когда естественнѣе было бы съ духомъ времени почитателю Ивана III помѣстить ее въ монастырь, не удаляясь отъ истины [80]). Для „похвальнаго слова“ Екатеринѣ II автору понадобилось, конечно, ближе познакомиться съ исторіею ея учрежденій, указами (рядъ цитатъ) и остаться въ предѣлахъ историческихъ фактовъ. Небольшія статьи (1802—803) и біографіи („Пантеонъ русскихъ авторовъ“) свидѣтельствуютъ только о чтеніи Карамзинымъ лѣтописей, иностранныхъ извѣстій о Россіи и нѣкоторыхъ памятниковъ, причемъ онъ полемизируетъ иногда съ Шлецеромъ (о тайной концеляріи), Татищевымъ и Щербатовымъ (о

Б. Годуновѣ). Онъ желаетъ, чтобы нѣкоторые случаи и характеры въ россійской исторіи сдѣлались предметомъ художествъ и чтобы нашлось искусное перо, которое изобразило бы намъ галлерею россіанокъ, знаменитыхъ въ исторіи или достойныхъ сей чести. „Исторія, говоритъ онъ тутъ же, въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума *истина* имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ“ [81]). Притомъ на предстоящій историческій трудъ самъ Карамзинъ смотрѣлъ тогда гораздо снисходительнѣе и проще, чѣмъ оказалось на дѣлѣ. Онъ видитъ въ немъ даже своего рода отдыхъ и думалъ справиться съ нимъ въ 5 или 6 лѣтъ и вмѣстить въ 6 томовъ всю исторію до Романовыхъ. Но при всей своей литературной опытности, Карамзинъ все-таки ошибся. Уединившись отъ свѣта, онъ проработалъ 22 года и не дошелъ до памѣченнаго имъ термина—дома Романовыхъ. Первые 8 томовъ Карамзинъ писалъ въ Москвѣ и Остафьевѣ [82]), и съ самаго начала онъ уже почувствовалъ всю трудность задачи. Въ цѣломъ рядѣ писемъ онъ сообщаетъ брату и другимъ лицамъ, что ему *„надобно много читать и соображать“*. „Все идетъ медленно и на всякомъ шагу впередъ надобно оглядываться назадъ. *Цѣль такъ далека, что боюсь даже и мыслить о концѣ“*. Онъ высказываетъ сожалѣніе, что „не моложе 10-ю годами и что едва ли дастъ Богъ довершить“ его трудъ: такъ много еще впереди. И только въ половинѣ 1808 г. онъ дошелъ до XIV вѣка. Разочарованіе постигло его и въ другомъ отношеніи: „Иду голою степью (пишетъ онъ брату); по отъ времени до времени *удается мнѣ находить и мѣста живописныя“*. Только въ полов. 1809 г. онъ закончилъ описаніе времени Димитрія Донского; *„но теперь долженъ еще многое поправить назади“*, прибавляетъ онъ. Въ исходѣ 1810 г. онъ сообщаетъ, что почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Дмитріевича: болѣзнь, несчастныя потери и грусть отняли не малую часть его способностей. Въ 1810 и 1811 гг. къ этому присоединились частыя поѣздки въ Тверь, о которыхъ мы упоминали („моя исторія отъ того терпитъ“). „Трудъ, столь необъятный, требуетъ спокойствія и здоровья, пишетъ онъ, не имѣю ни того, ни другого и дѣлаюсь къ несчастью меланхоликомъ... Оставивъ за собою *дичь и пустыню*, вижу впереди пре-

красное и великое... Княженія двухъ Іоанновъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня *за скудость прежней матеріи*". Въ августѣ 1811 г. онъ замѣчаетъ: „Старость приближается и глаза мучаютъ: худо, если въ года три не дойду до Романовыхъ"... Политическія обстоятельства 1812 г. еще тяжелѣе дали себя чувствовать: пришлось думать о выѣздѣ изъ Москвы (въ Н. Новгородъ); библіотека его сгорѣла до тла, какъ и замѣчательная библіотека гр. Мусина-Пушкина, которой онъ пользовался. Въ полов. 1816 г. онъ переселился въ Ц. Село, гдѣ ему предоставлено было помѣщеніе, и куда онъ привезъ первые 8 томовъ своей исторіи, оканчивающіеся 1560 годомъ, чтобы приступить къ печатанію ея: „старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти".... замѣчаетъ онъ брату [83]).

Время съ 1816 — 18 ушло на печатаніе исторіи, первое изданіе которой могло по успѣху соперничать съ исторіей Юма и Маколея [84]). Второе изданіе, понадобившееся уже въ 1818 г., (Сленина) шло, однако, туго и причиняло новыя безпокойства автору [85]). Продолженіе дальнѣйшихъ томовъ исторіи дѣлилось между Петербургомъ и Ц. Селомъ. Только въ концѣ 1820 г. ему удалось закончить IX-й томъ (цар. Ивана Грознаго), къ началу 1823 г.—X-й томъ и въ томъ же году XI-й томъ, перенеся, однако, тяжкую болѣзнь. Занимаясь временемъ ц. Василія Шуйскаго (1824 г.), онъ признается, что этотъ томъ „долженъ быть послѣднимъ", и прибавляетъ: „Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Ѳедоровича, то заключу мою Исторію обозрѣніемъ новѣйшей до самыхъ нашихъ временъ"... Вскорѣ однако затѣмъ ему пришлось быть близкимъ свидѣтелемъ событій 14 декабря [86]).

VII.

Заслуга кн. Щербатова, въ нашихъ глазахъ, тѣмъ болѣе получаетъ цѣну, что онъ писалъ свой трудъ въ то время, когда было издано незначительное число лѣтописей (Кенигсб. спис. и первые томы Никонов. лѣт.), не говоря о другихъ матеріалахъ, такъ что даже такимъ изданіемъ, какъ „Древняя Россійская Вивліоѳика" онъ не могъ воспользоваться вполнѣ.

Трудъ Карамзина отдѣленъ отъ „исторіи“ кн. Щербатова по крайней мѣрѣ на 40 лѣтъ. Литературный языкъ достигъ въ это время значительнаго совершенства. Карамзинъ самъ опредѣляетъ послѣднюю эпоху слога (четвертую) съ своего времени, „когда образуется его пріятность“ [87]). Уже съ выходомъ 1-ой книжки „Москов. Журнала“ (1791 г.) Я. Б. Княжнинъ сказалъ: „нашъ молодой писатель откроетъ новое поприще въ словесности. Проза его дышитъ жизнью. У насъ не было еще такой прозы“ [88]). И Пушкинъ въ 1823 г. писалъ кн. Вяземскому: „Прозу-то, ради Христа, не забывай; ты да Карамзинъ—одни владѣете ею—Глинка владѣетъ языкомъ чувствъ“ [89]). Д. П. Руничъ замѣчаетъ: „есть языкъ Карамзина“, и онъ прибавляетъ, что успѣхъ „Писемъ“, „Повѣстей“ и „Исторіи“ Карамзина основывался главнымъ образомъ на его слогѣ, благодаря которому стали охотно читать книги... Литература и исторія Россіи одному ему обязаны своимъ блескомъ. [90]).

Карамзинъ находился въ лучшихъ условіяхъ, сравнительно съ кн. Щербатовымъ и относительно собранія матеріаловъ, и въ отношеніи пользованія ими. Онъ называетъ до 40 текстовъ лѣтописей и нѣкоторыя изъ нихъ были въ разныхъ спискахъ (кн. Щербатовъ располагалъ 21 спискомъ). Съ его именемъ соединяется находка Кіевской (извѣстной Татищеву) и Волынской лѣт., Ипатьевскаго сп. (также заключающаго Кіев. и Волынскую лѣт.), Троицкой лѣт., потомъ сгорѣвшей. Ему извѣстны были Сибирскія лѣт., подлинникъ Костромской (отъ Мусина-Пушкина); рукописный матеріалъ онъ значительно расширилъ, пользуясь имъ въ архивахъ и библіотекахъ правительственныхъ учрежденій (Эрмитажной, Императорской Публичной, Академіи Наукъ, Москов. университета, не говоря объ арх. Коллег. ин. д., извѣстномъ Щербатову), *монастырскихъ и церковныхъ* (Софійской, Троице-Сергіев., Іосифо-Волок., Воскресенской, Александра Нев. л., не говоря о Синодальной и Типографской, извѣстныхъ и кн. Щербатову) и *частныхъ* (гр. Румянцова и Толстого, кн. Д. М. Голицына; кромѣ того гр. Мусина-Пушкина, проф. Баузе, Калайдовича и его собственной, сгорѣвшихъ въ 1812 г.), а также изъ *иностранныхъ* архивовъ (Кёнигсбергскаго, Копенгагенскаго, Мекленбургскаго, Любекскаго) и библіотекъ (Ватиканской, Британскаго музея, Оксфордской, Королевской Парижской,

Копенгагенской, Туринской), при широкомъ содѣйствіи, оказанномъ со стороны лицъ, преданныхъ дѣлу разысканія историческихъ памятниковъ, каковы: гр. Н. П. Румянцовъ, м. Евгеній, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Строевъ, Аделунгъ, Ермолаевъ, Буле, Берхъ, А. Ѳ. Малиновскій, сообщавшіе ему свои замѣчанія, указанія и матеріалы. Доставленіемъ иностранныхъ матеріаловъ и сочиненій Карамзину помогали: М. Н. Муравьевъ, Н. Н. Новосильцевъ и А. И. Тургеневъ. Необходимо также имѣть въ виду, что въ то время появились уже труды Лерберга, Круга, Френа, Эверса, Маннерта, Клапрота, Сарторія, облегчавшіе ему изслѣдованіе по древней географіи, этнографіи, хронологіи, нумизматикѣ [91]).

Чтобы судить, какъ широко воспользовался Карамзинъ историческою литературою, видно изъ того, что въ его „Исторіи“ упоминается свыше 350 авторовъ и изданій. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Карамзинъ, почитая Юма, избралъ за образецъ его распредѣленіе отдѣльныхъ частей исторіи, какъ доказывалъ Арцыбашевъ. Подобное распредѣленіе (особыя главы, посвященныя внутреннему состоянію) усвоено многими историками и держится до послѣдняго времени. Вполнѣ естественно, что онъ пользовался часто изложеніемъ кн. Щербатова, представляющимъ послѣдовательный лѣтописный разсказъ, какъ указывали и въ то время, и послѣ того [92]). Кн. Щербатова онъ беретъ даже подъ свою защиту въ его несогласіяхъ съ Татищевымъ и распрѣ съ Болтинымъ, находя послѣдняго часто несправедливымъ. Но все-таки Карамзинъ передаетъ разсказъ удовлетворительнѣе. Щербатовъ часто терялся въ мелочахъ и не разбирался въ источникахъ, въ вопросахъ генеалогическихъ и хронологическихъ. У Карамзина не найдемъ подобныхъ несообразностей, благодаря отчасти тому, что онъ шелъ по проложенной дорогѣ, такъ и тому, что онъ былъ сильнѣе своего предшественника талантомъ, хотя и у него не всегда найдемъ цѣлостное изображеніе характеровъ [93]). Съ другой стороны, иногда даетъ себя чувствовать личная точка зрѣнія на извѣстныя явленія. Такъ, заподозрѣвая Іоакимовскую и другія называемыя Татищевымъ лѣтописи и сообщаемые имъ законодательные памятники, Карамзинъ отрицательно отнесся къ указамъ ц.ц. Ѳедора Іоан. и Василія

Шуйскаго (напечат. при Судебникѣ, изд. Татищевымъ), отчего получилось неправильное освѣщеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ. Съ такимъ же недовѣріемъ отнесся Карамзинъ, по другимъ соображеніямъ, къ древнимъ церковнымъ уставамъ (см. ниже).

VIII.

Мы не остановимся подробно на его предисловіи,—своего рода „profession de foi“, какія рѣдко пишутъ авторы въ началѣ своихъ трудовъ. Оно писано уже въ концѣ 1815 г., когда были закончены двѣ трети его исторіи (8 томовъ), и оно хорошо извѣстно. Но мы отмѣтимъ, во-первыхъ, что образцами историческаго изложенія Карамзинъ, какъ и прежде, считалъ древнихъ писателей, а изъ новыхъ—англійскихъ и въ особенности Юма; а во-вторыхъ, тѣ положенія, которыя онъ приводитъ здѣсь, какъ руководившія имъ,—о значеніи исторіи, ея пользѣ и необходимости для всякаго гражданина знать свою исторію—были высказаны имъ гораздо раньше, начиная отъ „писемъ“ до позднѣйшихъ статей, написанныхъ не задолго до обращенія его къ исторіи. И даже мысль о непрочности вообще государственныхъ организмовъ, сравнительно съ человѣчествомъ, представляетъ повтореніе мнѣнія, выраженнаго еще въ „Письмахъ“ [94]). Въ посвященіи Карамзинъ напоминаетъ импер. Александру о читанныхъ имъ въ 1811 г. страницахъ о нашествіи Батыя и побѣдѣ Димитрія Донскаго; а открывая время княженія послѣдняго онъ повторяетъ: „Судьба испытываетъ людей и государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго“... „Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ приписываетъ Д. Донскому осторожное благоразуміе съ смѣлой рѣшимостью [95]), какою не многіе государи славятся въ исторіи,—тѣ качества, на которыя онъ указывалъ и импер. Александру, какъ необходимыя для успѣха и славы его царствованія. Въ свою очередь вел. княг. Екатерина Павловна писала брату: „У васъ есть еще надежда спасти свою честь, дорогой другъ, мира не должно быть! Хотя бы намъ суждено было очутиться въ Казани, мира не должно быть“... [96]).

Можно сказать, что Карамзинъ удачно справился съ этнографическимъ обзоромъ въ началѣ исторіи, послѣ того хаотическаго представленія, какое господствовало у историковъ XVIII вѣка [97]). Не увлекся Карамзинъ идиллическимъ описаніемъ быта славянъ, какимъ представлялъ его Гердеръ, а, напротивъ, признавая славянъ добродушными въ домашней жизни, на основаніи византійскихъ извѣстій, онъ изобразилъ ихъ мужественными въ бояхъ и жестокими въ нападеніяхъ, причемъ говоритъ, что исторія славянъ подобна исторіи всѣхъ племенъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія [98]), что́ вызвало въ свое время порицанія со стороны славистовъ (Суровецкій, Шафарикъ, Мацѣевскій). Есть указаніе, что Карамзину предложено было считаться съ мнѣніями Шлецера (Надеждинъ называетъ его прямо „шлецеристомъ“) [99]), и онъ слѣдовалъ имъ въ вопросѣ о происхожденіи варяговъ (скандинавы или нѣмцы), о феодализмѣ въ Россіи, за которыми слѣдитъ на всемъ пространствѣ Рюрикова дома и удѣльной системы [100]), признавая за норманнами и Византіей значеніе образовательныхъ факторовъ (въ государственномъ бытѣ, законодательствѣ и обычаяхъ), а за удѣльной системой — разлагающаго начала, ослабившаго Россію и содѣйствовавшаго завоеванію ея татарами и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ прекращенію успѣховъ русскихъ на Босфорѣ, о чемъ онъ такъ сожалѣетъ, указывая даже на предсказанія о судьбѣ Константинополя... [101]). Только спустя три года занятій надъ исторіей Карамзинъ написалъ Муравьеву, что онъ уже не боится ферулы Шлецера.

Русское государство, по представленію Карамзина, стоявшее при Ярославѣ даже выше Западной Европы, вслѣдствіе удѣльной системы въ теченіе 250 лѣтъ совершенно обособленное, пало подъ ударами татаръ.... Климатъ спасъ Россію отъ полнаго порабощенія, такъ какъ татары не рѣшились переселиться внутрь Россіи, и потому народные обычаи остались неприкосновенными (Карамзинъ отвергаетъ и обособленность женщины вслѣдствіе татарскаго вліянія), но вліяніе монголовъ сказалось въ правилахъ политики и государственныхъ отношеніяхъ. Государство спасено было единовластіемъ. Созидающій характеръ Карамзинъ всецѣло приписываетъ самодержавію, которое нашло полное выраженіе въ лицѣ московскихъ князей (прежнія попытки имѣли случайный характеръ); но прибавляетъ, что Москва

обязана своимъ величіемъ ханамъ и поддержкѣ духовенства, оставшагося вѣрнымъ византійскимъ традиціямъ [102]). Тѣмъ не менѣе, въ личностяхъ московскихъ князей онъ не видитъ даровитыхъ людей и до Ивана III не признаетъ ни одного выдающагося характера, за исключеніемъ Димитрія Донскаго, въ которомъ олицетворялось мужество („герой“) и добродѣтель, столь цѣнимая Карамзинымъ. Какъ послѣдователь Руссо и Монтескьё, онъ могъ утверждать, что „вѣра есть особенная сила государственная“, которая оказала свое вліяніе въ татарскую и смутную эпохи. Но онъ не признаетъ пользы въ широкомъ развитіи монастырской недвижимой собственности и вполнѣ одобряетъ ограниченіе ея въ послѣдующіе періоды вплоть до полной отмѣны въ цар. Екатерины II [103]). Онъ допускаетъ возможность притязаній представителей духовенства на усиленіе власти (чему приписываетъ и церковные уставы Владиміра I и Ярослава I, называя ихъ подложными, какъ и подтвердительную грамоту на нихъ в. кн. Василія Дмитріевича м. Кипріану) [104]) и даже болѣе широкія стремленія; но, конечно, сочувствуетъ ихъ неудачамъ (м. Діонисія при Ѳедорѣ Іоанновичѣ и п. Никона при Алексѣѣ Михайловичѣ онъ считаетъ честолюбцами) [105]).

IX.

Слѣдя за утвержденіемъ самодержавія, какъ образовательной силы, создавшей государство, откуда идетъ и самое заглавіе его труда, Карамзинъ всѣ свои симпатіи переноситъ на личность и дѣятельность Ивана III. Вслѣдъ за Миллеромъ, Шлецеромъ и кн. Щербатовымъ, онъ видитъ въ немъ основателя могущества Россіи, мудраго политика и великаго правителя, „сблизившаго Россію съ Западной Европой, вслѣдствіе чего союзы и войны наши пріобрѣтаютъ важную цѣль. Явилась держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи“. Упомянувъ объ усвоеніи искусствъ и художествъ, Карамзинъ прибавляетъ, что „плоды гражданскаго образованія—собственность не вѣръ и не языковъ, а человѣчества“ [106]). Но Іоаннъ III былъ политикъ и правитель осторожный: „воинъ на престолѣ опасенъ; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ“. Далѣе, онъ дѣлаетъ такое

сравненіе: Іоанны III-іе творятъ, Василій III-іе сохраняютъ и утверждаютъ, Іоанны IV-ые прославляютъ и нерѣдко губятъ [107]). Въ другомъ мѣстѣ, обвиняя Ивана IV за напрасное кровопролитіе противъ христіанъ (ливонцевъ), онъ замѣчаетъ, что „Богъ благословляетъ только войны справедливыя, *нужныя для цѣлости и свободы государствъ*“ [108]). Но Карамзинъ идетъ еще далѣе. Онъ очевидно отдаетъ уже полное преимущество Ивану III передъ Петромъ В., такъ какъ первый изъ нихъ не увлекся „усвоеніемъ иноземныхъ обычаевъ и перемѣной нравственнаго характера подданныхъ“, и хотя относитъ рѣшеніе этого вопроса къ исторіи Петра В., однако замѣчаетъ, что онъ не знаетъ монарха „достойнѣйшаго жить и сіять въ святилищѣ исторіи и что лучи его славы падаютъ на колыбель Петра“ [109]). Въ „Запискѣ“ онъ еще рѣшительнѣе осуждаетъ этого послѣдняго и, по словамъ Погодина, это чувство передалось даже его семьѣ. „Карамзины ужасные противники Петровы“, писалъ Погодинъ въ дневникѣ 1845 г., послѣ своего чтенія у нихъ о Петрѣ [110]).

По поводу паденія Новгорода, Карамзинъ пользуется случаемъ снова заявить о необходимости для народныхъ правленій, республикъ, „чистоты нравовъ и вѣрности древнимъ обычаямъ“. Онъ утверждаетъ, что „историку свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной“, и рисуетъ древній бытъ Новгорода въ такихъ привлекательныхъ чертахъ, которыя ничѣмъ не уступаютъ въ своей яркости краскамъ народоправца Костомарова, но тутъ же находитъ и „опасности“. Разбогатѣвъ, новгородцы измѣнили своимъ обычаямъ, нарушили „святость договоровъ“, заключенныхъ съ князьями и потому должны были пожать плоды своей политики. „Вольность спасается не серебромъ, а готовностью умереть за нее. Кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе и манитъ къ себѣ властелина“. „Нѣтъ свободы, когда нѣтъ силы защитить ее“, говоритъ Карамзинъ. Въ свою очередь „Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность новгородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи“ [111]). Какъ сторонникъ вѣротерпимости, Карамзинъ хвалитъ мягкость отношеній Ивана III къ еретикамъ, какъ потомъ и Ивана IV [112]).

X.

Признавая въ самодержавіи „палладіумъ“ („Записка“) Россіи (республики удѣлъ небольшихъ государствъ), Карамзинъ съ полнымъ осужденіемъ относится къ олигархіи (въ малолѣтство Ивана IV, въ смутное время, при верховникахъ), господство которой „есть самое опасное и самое несносное“ [113]), а царя Василія Шуйскаго, за ограничительную грамоту называетъ (въ „Запискѣ“) даже „преступникомъ“. Обращаясь къ цар. Ивана IV, Карамзинъ все еще признавалъ, что оставляетъ за собой „песчаную степь африканскую“, а передъ собой видѣлъ величественныя дубравы, красивые луга, богатыя поля и опасался, что какъ бы съ нимъ не случилось того, что съ Моисеемъ, который не вошелъ въ обѣтованную землю. Прежде онъ думалъ, что исторія его безъ цар. Іоанна Грознаго останется „какъ павлинъ безъ хвоста“ (письмо къ Тургеневу) [114]). Теперь онъ готовъ былъ покончить на немъ: „довольно для историка дней моихъ и способностей“, писалъ онъ Дмитріеву. Вел. княг. Екатеринѣ Павловнѣ онъ писалъ; „Меня занимаетъ Іоаннъ Грозный, этотъ изумительный феноменъ между *величайшими и самыми дурными монархами*. Боже, какой предметъ. Онъ стоитъ Наполеона“ [115]). Затѣмъ цѣлый рядъ писемъ Карамзина къ друзьямъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ описываетъ „ужасы“, „злодѣйства“ и казни „Ивашки“—такъ онъ весь ушелъ въ эту сторону дѣла [116]). Онъ даже избралъ эту тему предметомъ публичнаго академическаго чтенія (1819) и сообщаетъ, что „всеобщія рукоплесканія тронули его, холоднаго меланхолика“ [117]). „Какое-то общее чувство одобренія и даже глухой шумъ оживляли все собраніе. Мы можемъ поэтому судить о дѣйствіи народныхъ ораторовъ“, писалъ Тургеневъ кн. Вяземскому [118]). По временамъ у Карамзина прорываются похвалы законодательству Ивана IV, а Земскій соборъ, созванный послѣднимъ, онъ называетъ даже лучшимъ явленіемъ его царствованія [119]). Матеріалы, собранные для этой эпохи Карамзинымъ, отличаются обиліемъ и полнотою, какъ равно и количество страницъ и примѣчаній, посвященныхъ VIII и IX томамъ.

Карамзинъ отмѣчаетъ шесть эпохъ казней, даетъ подробное описаніе ихъ, пользуясь преимущественно Курбскимъ и иностран-

ными извѣстіями, но сопровождаетъ ихъ обыкновенно словами: „пишутъ“, „говорятъ“, „полагаютъ“ [120]). Скептицизмъ кн. Щербатова относительно извѣстій Курбскаго и оговорки Болтина отсутствуютъ у Карамзина. Онъ даетъ сравненіе царя съ другими древними (Неронъ, Калигула) и новыми тиранами (Людовикъ XI), дѣлаетъ ссылки на Тацита, Платона и французскую революцію, упоминаетъ, что народъ отвергъ или забылъ имя „мучителя“ и по темнымъ слухамъ именуетъ его только Грознымъ; но тутъ же прибавляетъ, что „характеръ Іоанна есть для ума загадка и мы усумнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ“. Долготерпѣніе русскихъ въ дни жестокостей онъ сравнивалъ съ подвигомъ грековъ при Оермопилахъ, а дни по смерти тирана, ссылаясь на Тацита, называетъ счастливѣйшими (ср. отзывъ о Павлѣ I въ „Запискѣ“). „Платонъ говоритъ, замѣчаетъ Карамзинъ, что есть три рода безбожниковъ: одни не вѣрятъ существованію боговъ; другіе воображаютъ ихъ безпечными, равнодушными къ дѣяніямъ человѣческимъ; третьи думаютъ, что ихъ всегда можно умилостивить легкими жертвами или обрядами благочестія: Іоаннъ и Людовикъ (XI) принадлежали къ сему роду безбожниковъ“ [121]). Карамзинъ оправдываетъ Курбскаго въ бѣгствѣ, такъ какъ всякій гражданинъ можетъ спасаться отъ тирана, но осуждаетъ его, какъ измѣнника, за выступленія противъ Россіи и въ примѣръ Курбскому ставитъ мужество слуги его—Шибанова [122]). Не входя въ подробности, замѣтимъ, что IX и X томы вызвали наиболѣе рѣшительные нападки на Карамзина, продолжавшіеся до позднѣйшаго времени, а одному изъ современниковъ (Строевъ) дали право его довѣріе къ Курбскому назвать прямо „грѣхомъ“ [123]). Съ другой стороны, самъ Карамзинъ опасался вмѣшательства духовной и свѣтской цензуры и даже запрещенія этихъ томовъ, когда въ защиту Ивана Грознаго выступили такія лица, какъ Магницкій и его приверженцы, а нѣкоторые даже изъ ученаго міра (какъ, напр., Страховъ) называли автора „якобинцемъ“ [124]).

XI.

Мы знаемъ, что Карамзинъ пытался было защитить память Бориса Годунова; но сравненіе его съ Кромвелемъ возобладало. Поэтому, приписывая ему, какъ и Ивану IV, обширный умъ и широкія политическія цѣли, онъ не могъ примириться съ нимъ по нравственнымъ основаніямъ, какъ съ убійцей царевича Димитрія, и даже въ появленіи Самозванца и въ послѣдующей катастрофѣ семьи Годунова онъ видитъ естественное слѣдствіе и заслуженную кару Неба: „Вотъ характеръ исторически-трагическій, хочется отдѣлать его цѣльно, не отрывочно“. И Карамзинъ отнесся къ нему съ такимъ же вниманіемъ, какъ и къ Ивану Грозному [125]). Есть указаніе (кн. Воронцова), что Карамзинъ вѣрилъ сначала въ истинность Димитрія Самозванца и измѣнилъ свое мнѣніе послѣ бесѣдъ съ импер. Александромъ, который, какъ извѣстно, читалъ его исторію до конца и бралъ даже съ собою XII-й томъ въ послѣднее путешествіе—на югъ Россіи [126]). Но это показаніе лишено основанія, какъ видно изъ мнѣнія Карамзина о Борисѣ Годуновѣ и рѣшительнаго утвержденія о Гр. Отрепьевѣ, какъ Самозванцѣ, въ письмѣ къ Малиновскому [127]). Полагаемъ, что едва ли Карамзинъ выступилъ бы съ чтеніемъ объ убійствѣ ц-ча Димитрія публично (янв. 1823 въ Рос. акад.), если бы онъ былъ вынужденъ измѣнить свое мнѣніе [128]). Здѣсь Карамзинъ послѣдовалъ, въ силу своего художественнаго влеченія, за „неимовѣрной, но истинной повѣстью о похожденіяхъ Гр. Отрепьева“; а между тѣмъ кн. Щербатовъ старался уже выяснить и возможныя тайныя пружины появленія Д. Самозванца [129]). Давая суровую характеристику ц. Василія Шуйскаго, Карамзинъ примиряется, однако, съ нимъ, въ силу своего основного принципа — „за ревностное наблюденіе старыхъ обычаевъ“ и тутъ же произноситъ строгій приговоръ надъ боярами, „выдавшими царя полякамъ“ [130]). Въ исторіи смутнаго времени онъ намѣчаетъ рядъ „героевъ“—„добродѣтели и славы“ (Скопинъ-Шуйскій, Шеинъ, Пожарскій, Гермогенъ, Прок. Ляпуновъ), къ какимъ онъ относитъ обыкновенно основателей и устроителей государствъ (каковы Іоаннъ III, Стефанъ Молдавскій, Густавъ Ваза, Стефанъ Баторій, Петръ В., Екатерина II) и даже готовъ сравни-

вать ихъ, по старой привычкѣ, съ героями древности. Смоленскъ въ 1611 г. явился въ его глазахъ „новымъ Сагунтомъ“ [131]). Смутная эпоха представлялась Карамзину ужаснѣе Батыева нашествія, когда „не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ нѣдрахъ Россіи, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ; но Богъ не оставляетъ государства, гдѣ многіе или немногіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель,“ говоритъ онъ [132]).

Карамзинъ прекрасно понималъ, что въ оцѣнку отдаленныхъ явленій „не слѣдуетъ вносить обманчивыхъ соображеній позднѣйшаго времени“ [133]), тѣмъ не менѣе онъ остался вѣренъ твердо усвоеннымъ нравственно-философскимъ воззрѣніямъ, которыя даютъ себя чувствовать и въ письмахъ, и въ литературныхъ произведеніяхъ, и въ исторіи. Принципъ личной отвѣтственности за свои дѣйствія вытекалъ изъ понятія Руссо о свободѣ воли, въ противоположность ученію матеріалистовъ, и подробно *былъ развитъ Кантомъ* [134]), этимъ величайшимъ изъ учениковъ Руссо, по выраженію Геффдинга. Такой взглядъ можно прослѣдить и во всей исторіи Карамзина — отъ убійства Аскольда и Дира и „злодѣйства“ Святополка Окаяннаго до послѣднихъ страницъ смутнаго времени или дѣйствій тайной канцеляріи въ XVIII в. Приступая къ изображенію „жестокостей“ Ивана Грознаго, Карамзинъ пишетъ: „исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка, но, предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе во-первыхъ природными свойствами людей, во-вторыхъ обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу“ [135]). Такимъ образомъ, высоко ставя политическую дѣятельность Іоанна Калиты, онъ не можетъ примириться со смертью Александра тверского, павшаго жертвой его политики, и замѣчаетъ: „Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики. Судъ исторіи — единственный для государей — кромѣ суда небеснаго — не извиняетъ и самого счастливаго злодѣйства: ибо отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога“ [136]). Онъ осуждаетъ даже убійство Д. Самозванца, которому москвитяне дали присягу, и избіеніе поляковъ послѣ убійства Самозванца, хотя русскіе въ правѣ были негодовать на послѣднихъ [137]). Герои Александръ Невскій и Ди-

митрій Донской привлекаютъ симпатіи Карамзина, потому что ихъ мужество соединяется съ добродѣтелью, которая притомъ сопровождается еще „чувствительностью“ [138]), столь превознесенной въ произведеніяхъ Руссо, и на которой строилъ свои „повѣсти“ Карамзинъ. Вотъ почему онъ такъ идеализируетъ ц. Алексѣя Михайловича, приписывая ему обиліе чувствительности, какъ высшую степень добродѣтели [139]). „Государь истинно независимый есть только государь добродѣтельный“, говоритъ Карамзинъ въ исторіи Іоанна IV... „Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его исторія всегда полезна для государей и народовъ: вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели — и слава времени, когда вооруженный истиною Дѣписатель можетъ въ правленіи Самодержавномъ выставить на позоръ такого Властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ“! [140]). Въ противоположность ему, онъ переноситъ свой взоръ на Адашева, „этого великаго человѣка“, открытіемъ котораго онъ такъ гордится [141]). Подвигъ же м. Филиппа, по словамъ Карамзина, доставилъ послѣднему славу такого *героя*, знаменитѣе котораго не представляетъ ни древняя, ни новая исторія (?), ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели [142]).

Другая сторона, занимающая выдающееся мѣсто въ исторіи Карамзина, —это художественная обработка сюжетовъ. Онъ печаловался, что древняя русская исторія до Іоанновъ представляла „песчаную степь“, дающую мало пищи и для таланта историка; но всѣ эпизоды, для которыхъ онъ находилъ только матеріалъ, онъ старался изобразить *живо* и *разительно*: таковы, напр., Куликовская битва, которую онъ называетъ знаменитѣйшею до Полтавской баталіи, дѣйствія Олега Рязанскаго въ этотъ моментъ, нападеніе Тамерлана, Шемякина смута, флорентійская унія, характеристика Ивана III и т. д., взятіе Казани, завоеваніе Сибири, „превращеніе Ермака изъ разбойника въ героя“ [143]), избраніе на престолъ Б. Годунова, осада Троицкой лавры... И можно сказать, что въ этой разительности свѣта и тѣни, какую онъ требовалъ отъ историка самъ, оцѣнка дѣйствій и характеровъ подъ угломъ зрѣнія позднѣйшей философской теоріи, на которую мы указали выше, должна была произвести неравномѣрность въ освѣщеніи

лицъ и фактовъ, т.-е. привести къ нарушенію историческаго прагматизма, въ особенности при той силѣ и вліяніи столь „могучаго таланта“, какой вообще признается въ авторѣ „исторіи“.

Былъ еще тезисъ, присущій Карамзину, который онъ настойчиво проводитъ и въ письмахъ, и въ повѣстяхъ, и въ исторіи [144]). Это глубокая вѣра въ просвѣщеніе, какъ главный факторъ прогресса человѣческаго общества и государства. Съ этой точки зрѣнія онъ высоко ставитъ и реформацію Лютера, которая принесла съ собой просвѣщеніе и улучшеніе нравовъ; но онъ видитъ въ ней и дурныя слѣдствія—рядъ войнъ и возбужденіе опасныхъ страстей (Генрихъ VIII) [145]). Вотъ почему, посвящая свой трудъ импер. Александру I, Карамзинъ, какъ непзмѣнный противникъ войнъ, упомянувъ о наступленіи „твердаго мира, столь вожделѣннаго гражданамъ“, призываетъ его, „властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, наукъ, искусствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго“. Въ то же время онъ писалъ импер. Маріи Ѳедоровнѣ: „Музы благоденствуютъ въ тишинѣ и самая отважная—Кліо—любитъ шумъ битвъ только въ воспоминаніяхъ“ [146]).

XII.

Карамзину не удалось довести свою исторію до намѣченнаго предѣла. Между тѣмъ онъ изучалъ дѣла и мемуары XVIII и XIX стол., думая заняться описаніемъ позднѣйшей эпохи, и подъ впечатлѣніемъ событій, очевидцемъ которыхъ самъ былъ,—онъ хотѣлъ приступить къ составленію исторіи цар. Александра I или отечественной войны, но всѣ эти намѣренія остались тщетными [147]). Болѣзнь и треволненія неисправимаго „меланхолика“, какъ онъ себя называлъ, сразили историка [148]). Исторія его (11 том.) еще при немъ переведена была на языки французскій, итальянскій (съ французскаго), нѣмецкій и польскій [149]), сдѣлалась достояніемъ не только русской, но и иностранной критики“, которую онъ цѣнилъ выше [150]), скептически относясь къ первой и особенно неодобрительно, по выраженію кн. Вяземскаго, „къ критикѣ вооруженной рукой на мнѣніе, исповѣдуемое Исторіей государства

Россійскаго", т.-е. будущихъ участниковъ 14 декабря. По поводу самой полемики тотъ же кн. Вяземскій писалъ: „Доселѣ (1822) толпѣ указывали все еще на одни пороки зданія или ротозѣи кричали „ура", какъ кричатъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Тутъ нѣтъ равновѣсія. Сперва должно пристрастить къ чтенію „Исторіи", а тамъ уже при свѣтѣ критики наводить зрѣніе на толковое разсмотрѣніе красотъ и недостатковъ" [151]). Позже онъ уже спокойнѣе выслушивалъ болѣе объективное отношеніе къ его исторіи А. И. Тургенева (1830); но продолжалъ негодовать на педантическое, ученое разысканіе ошибокъ Карамзина (Арцыбашева, Погодина, Устрялова) [152]). „Карамзинъ нашъ Кутузовъ Двѣнадцатаго года, писалъ онъ: онъ спасъ Россію отъ нашествія забвенія, воззвалъ ее къ жизни, показалъ намъ, что у насъ отечество есть, какъ многіе узнали о томъ въ 12-мъ годѣ... Напишите другую исторію—это такъ, если вы въ силахъ превзойти Карамзина, но не отгоняйте малаго числа читателей, которое она имѣетъ..., ибо нельзя критиковать теперь Карамзина. Все, что не во-время, все то нелѣпо" [153]). Съ именемъ Карамзина соединялся своего рода культъ („Карамзинъ наша религія", выражался Жуковскій) [154]). Поэтому казалось даже опаснымъ прикасаться съ хулой къ его имени (это испыталъ на себѣ Погодинъ). И когда уже гораздо позже (1845) тотъ же Тургеневъ весьма сурово отозвался объ „Исторіи" Карамзина, то тутъ же поспѣшилъ прибавить: „Но вся жизнь его была прекрасное и полезное употребленіе его качествъ душевныхъ. Не показывай этого сравненія другимъ, по крайней мѣрѣ тѣни, наброшенной на великій и святой образъ Карамзина" [155]).

Не смотря на настоянія друзей, самъ Карамзинъ не вступалъ въ полемику и удерживалъ отъ нея своихъ защитниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ, очевидно, руководился тѣмъ философскимъ взглядомъ на вещи, который былъ ему присущъ. Съ удивительнымъ спокойствіемъ говорилъ онъ объ ученіяхъ разныхъ системъ отъ Боссюэта до Гельвеція включительно [156]). „Злой роялистъ, замѣчаетъ онъ, не лучше злого якобинца...". „На свѣтѣ есть только одна хорошая партія: *друзей человѣчества и добра*. Она въ политикѣ составляетъ то, что эклектика—въ философіи... Тотъ

есть истинный философъ для меня, кто можетъ со всѣми ужиться въ мірѣ“ [157]). Тому же Тургеневу въ 1815 г. Карамзинъ писалъ: „*Жить* есть не писать исторію, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая и моихъ восьми или девяти томовъ... Дѣлайте, что и какъ можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайте у совѣсти. Быть статсъ-секретаремъ, министромъ или авторомъ, ученымъ: все одно“ [158]).

Взгляды и мнѣнія Карамзина принадлежатъ его эпохѣ и литературной школѣ, изъ которой онъ вышелъ. Но есть другая сторона его исторіи, которая, несмотря на множество послѣдующихъ трудовъ, надолго сохранитъ свою цѣну — *его примѣчанія*. Такихъ обширныхъ и обстоятельныхъ примѣчаній отъ другихъ историковъ мы не имѣемъ. Это *вторая его исторія, равная по объему первой*. Общее количество ихъ достигаетъ 6538. Мы уже знаемъ, какимъ новымъ обширнымъ матеріаломъ онъ воспользовался. Найдя списокъ Волынской лѣтописи, онъ писалъ Тургеневу: „Я не спалъ нѣсколько ночей отъ радости... Богъ послалъ мнѣ его съ неба“ [159]). По его письмамъ (къ Муравьеву, Тургеневу, Калайдовичу, Малиновскому, Дмитріеву и др.) можно судить, какъ шла эта матеріальная часть его работы. Найденные имъ немалочисленные памятники, извлеченія, часто весьма обширные изъ лѣтописей (по разнымъ спискамъ), болѣе замѣчательныя извѣстія, замѣчанія о древнихъ предметахъ, свѣдѣнія о монетѣ и цѣнахъ, цифровыя данныя о населеніи, особенности въ словахъ и реченіяхъ—все это нашло мѣсто въ его примѣчаніяхъ. Никто также до Карамзина, за исключеніемъ Миллера и Успенскаго, автора „Русскихъ древностей“ (1818 г.), не пользовался такимъ количествомъ иностранныхъ извѣстій о Россіи. Въ своихъ примѣчаніяхъ Карамзинъ даетъ сводъ мнѣній по тому или другому вопросу, дѣлаетъ аналогическія сопоставленія отечественныхъ явленій и событій съ иностранными, вездѣ точно обозначая источники или предлагая выписки. Этою своею стороною исторія Карамзина сильна и въ наше время... Сюда, въ эти примѣчанія должны и теперь ходить, учиться каждый занимающійся русской исторіей и каждому будетъ чему тутъ поучиться. Изслѣ-

дованія Карамзина обыкновенно чрезвычайно точны и могутъ опровергаться только столь же точными изслѣдованіями или новыми памятниками [160]).

На основаніи труда Карамзина можно отвѣтить на всѣ важнѣйшіе вопросы по исторіи русскаго права, разумѣя послѣднее въ самомъ обширномъ смыслѣ и въ особенности въ области государственнаго права, и всѣ историки-юристы пользовались имъ въ широкомъ значеніи слова, начиная отъ Эверса и Рейца до позднѣйшихъ трудовъ и изслѣдованій [161]).

Широкія очертанія труда Карамзина, его аналогіи, постоянныя привлеченія разнообразнаго матеріала и поучительныя примѣчанія дали право патріарху исторической критики XIX стол., Леопольду Ранке, охарактеризовать произведеніе Карамзина въ слѣдующихъ, лестныхъ для автора и русской исторіографіи, словахъ, высказанныхъ имъ по поводу юбилея Карамзина въ 1866 г.:

„Карамзинъ, такъ пишетъ Ранке, имѣетъ главнымъ образомъ ту заслугу, которой именно я не въ состояніи оцѣнить. Онъ писалъ превосходно на своемъ языкѣ, доступно для своего народа и чрезъ то сдѣлался популярнымъ. Но его популярность пріобрѣтена имъ не на счетъ учености въ изслѣдованіяхъ. Я обращался къ его труду съ пользою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которыхъ онъ касается, и живо чувствовалъ отсутствіе его въ тѣхъ эпохахъ, о которыхъ онъ не писалъ; но и въ этомъ я не могу присваивать себѣ рѣшительнаго сужденія. Радуюсь только тому, что въ народномъ русскомъ писателѣ я нашелъ вмѣстѣ человѣка, который умѣлъ связывать съ наилучшимъ успѣхомъ русскую исторію съ всеобщею. Онъ такимъ образомъ писалъ не только для своего народа, но и вообще для цѣлаго міра“ [162]).

В. Иконниковъ.

Кіевъ. 1911 г., 12 іюля.

476919

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Въ XVIII столѣтіи обширнымъ распространеніемъ пользовались „Синопсисъ“ и „Ядро Россійской исторіи“ (Манкіева), выдержавшіе нѣсколько изданій (послѣднее доведено до 1712 г.); но, ни по объему, ни по изложенію они не могли удовлетворить болѣе требовательныхъ читателей. Однако, потребность въ „русской исторіи“ настолько чувствовалась, что въ 1741 г. былъ сдѣланъ переводъ (С. Плаутинымъ) съ нѣмец. яз. „Московской исторіи“ (по 1617 г.) проф. Г. С. Трейера (446 стр.), съ XV в., составл. по иностраннымъ извѣстіямъ (рукопись на 333 листахъ). Она была весьма распространена въ спискахъ и въ разныхъ библіотекахъ (см. Опытъ рус. историогр., т. I, по указателю). Князь Щербатовъ поэтому справедливо замѣчалъ, что „должны устыдиться нераченію нашему, что толь малое или и совсѣмъ никакого не токмо о началѣ, но и новѣйшихъ приключеніяхъ, бывшихъ въ Россіи, не имѣли, или знали болѣе почерпнутое изъ иностранныхъ писателей, такъ что и самое сіе познаніе болѣе стыда, нежели чести приключало“ (предисловіе къ Царствен. книгѣ, Спб. 1769 г.). Въ 1792—93 гг. Евгеній Болховитиновъ (потомъ митрополитъ) задумалъ составить „Рос. исторію“ по Татищеву и Болтину, но оставилъ это намѣреніе (Е. Ф. Шмурло, М. Евгеній, 200—208). Тогда же написалъ „Россійскую исторію“ І. Г. Стриттеръ, служившій въ Ак. Наукъ, а потомъ въ Москов. арх. кол. иностр. дѣлъ, доведенную до 1594 г., на нѣмец. языкѣ, три части которой (до 1462 г.) въ русскомъ переводѣ напечатаны въ 1800—1802 гг. (Спб. 4°). Основанная на источникахъ (лѣтописяхъ, грамотахъ и статейныхъ спискахъ), она цѣнилась современниками, но представляетъ все-таки „сухую и скучную компиляцію“, извѣстную болѣе по замѣчаніямъ на нее Екатерины II. Карамзинъ пользовался „исторіей“ Стриттера, но чаще оспаривалъ его (I, пр. 114 и 436; IV, пр. 157; V, пр. 56, 65 и 420).

2. Архивъ кн. Воронцова, XII, 255. Уже въ 1809 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу: „Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т.-е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался, все напрасно. Она дѣлается интересною только со временъ Петра В. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и пр., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ. Нѣтъ середины. Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками. Жанъ-Жакъ говоритъ: „Car ne vous laissez pas éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle de son pays. Cela n'est pas vrai! Il y a des pays, dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur"... Какая истина! Да, Писареву (Ал. Ал. изд. „Калуж. Вечеровъ") до этого дѣла нѣтъ. Онъ пишетъ себѣ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на скомонѣхъ, былъ лицомъ бѣлъ, сѣкъ рынду батогами и пр. Есть ли тутъ малѣйшее дарованіе?.. Не трудъ ли это достойный Тредьяковскаго... и академіи наградою". (Р. Стар. 1871, т. III, № 2, стр. 227—228; Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, 56).—П. А. Катенинъ замѣчаетъ: „Что Левекъ умнѣе Карамзина, безспорно; но куды суха и его исторія! Композиція безъ всякой жизни". (Р. Стар. 1910, № 4, с. 131).

3. Сочин., III, 680—683; Гротъ, Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина (Сборн. Ак. Н., I, 40—41).

4. Сочин. (письма), II, 522. По словамъ Мерсье (De J. J. Rousseau, II, 173), Руссо съ презрѣніемъ отзывался объ академіяхъ, находя, что писатель сильнѣе тогда, когда онъ изолированъ, что его произведенія отъ этого дѣлаются болѣе значительными и болѣе самостоятельными, потому что ему ничѣмъ не приходится жертвовать какому-нибудь мнѣнію, всегда господствующему въ узкомъ кружкѣ, который нечувствительно убиваетъ смѣлость и гордость генія". (Ср. М. Н. Розановъ, Ж. Ж. Руссо и литерат. движеніе к. XVIII и нач. XIX в., т. I. М. 1910, стр. 318).

5. Неиздан. соч., I, 150.

6. И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 86—87.

7. Я. К. Гротъ, Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. (Сборн. Ак. Наукъ, I, с. 11—13). Н. А. Лавровскій дѣлаетъ нѣкоторыя ограниченія (Карамзинъ и его литерат. дѣятельность, рѣчь, Х. 1866, стр. 41—42).

8. В. В. Сиповскій, Карамзинъ, авторъ писемъ рус. путешественника, 173—183.

Шлецеръ уже отмѣтилъ значеніе Карамзина въ исторіи русскаго языка (Ломоносовъ, Херасковъ, Карамзинъ). Несторъ, II, 547—549. И Карамзинъ благодарилъ его въ 1806 г. за это упоминаніе, по случаю полученія 3 и 4 чч. „Нестора“ (Chr. v. Schlözer, Aug. Ludw. von Schlözers öffentl. u. Privatleben, II, 229). Но къ намѣренію Карамзина написать исторію Шлецеръ отнесся скептически (Дневникъ и письма Н. И. Тургенева, I, 318, 325), что возбудило неудовольствіе среди поклонниковъ Карамзина. Князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Въ философическихъ стихотвореніяхъ К-нъ заговорилъ новымъ и образцовымъ языкомъ. Въ нихъ свободно выражается мысль“ (Бесѣды Общ. Рус. слов., I, 43. Ср. еще с. 55).

9. Письма къ Дмитріеву, 159.

10. Бестужевъ-Рюминъ, Біографіи и характеристики, 7, 9, 13, 22, 174.

11. Бантышъ-Каменскій, м. Евгеній.—„Татищевъ зналъ только нѣмецкій яз., кн. Щербатовъ только французскій“. (Автобіогр. Шлецера, 70). „Кн. Щербатовъ ученый... Съ нимъ интересно бесѣдовать: онъ очень образованъ и, кажется, склоненъ къ философіи“ (Корберонъ). Своими матеріалами Щ-въ много обязанъ Миллеру (Исторія, I, с. XIV).

12. Сочин., II, 324—325, 746; Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 40—43; Гротъ, 21; Сиповскій, 40, 78, 489.

13. Сочин., I, 36—38; III, 436—438. По словамъ Н. Тургенева, Карамзинъ былъ „энтузіастомъ“ въ этомъ отношеніи и даже расплакался при извѣстіи о смерти Робеспьера (N. Tourgueneff, La Russie et les russes, I, 326).

14. Ср. стихотв. „Къ Тациту“ (Соч., I, 178). Въ числѣ отобранныхъ и потомъ сожженныхъ при конфискаціи изданій Новикова былъ и „Юлій Цезарь“, трагедія Вилліама Шекспира (М., въ типографіи компаніи типографской, съ указнаго дозволенія, 1787, сс. 136), съ предисловіемъ, опредѣляющимъ важное значеніе его произведеній („Шекспиръ великъ, Шекспиръ неподражаемъ!“), въ которомъ между прочимъ говорится о Брутѣ („характеръ Брутовъ есть наилучшій“ и т. д.). „Такъ подвергся уничтоженію одинъ изъ лучшихъ трудовъ Карамзина—переводъ Шекспировской трагедіи „Юлій Цезарь“, по замѣчанію Тихонравова (Лѣт. рус. литер., V, 10; Сочин., III, ч. 2-я, 56); М. Н. Лонгиновъ, Новиковъ, 359; Драматич. словарь, Спб. 1881, 163—164; предисл. у Погодина (Карамзинъ, I, 59—62).

15. Сочин., II, 649. „Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ, конечно, не злое сердце“ (III, 370).

16. Сочин., II, 738, 778. Соч. Делольма въ 1806 г. было издано на рус. языкѣ (2 чч., М.).

17. Погодинъ, Карамзинъ, I, 68.

18. Соч. II, 150. „Еще и теперь Ричардсона называютъ Шекспиромъ прозаиковъ... Переписка его убѣждаетъ, въ какое сильное движеніе приводили цѣлый свѣтъ личности его романа (Чарльзъ Грандисонъ) и ихъ радостная или печальная судьба... Ричардсонъ имѣлъ гораздо большее вліяніе на чужія литературы, чѣмъ на англійскую". Почти всѣ знаменитости вѣка были его поклонниками" (Геттнеръ, Ист. англ. литер. XVIII вѣка, 392—396). Шаденъ былъ послѣдователемъ Фергюсона, у котораго мораль поставлена независимо отъ религіи. Онъ держался также Якоби, одного изъ послѣдователей Фергюсона въ Германіи (Тихонравовъ, III, ч. I, 278).—Переписка К—на съ Лафатеромъ (Записки Ак. Н., т. LXXIII, 1—67).

19. Н. Барсуковъ, Погодинъ, VIII, 212—213. „Обращеніе къ Натурѣ и Божеству" съ восторженными похвалами Руссо (Сочин. II, 304—305, 366—367, 631; III, 737; Погодинъ, Карамзинъ, I, 106, 204, 220, 313, 316; Письма къ Дмитріеву, 117). „Источникъ набожности есть союзъ сердца съ самимъ Богомъ". (Рус. Стар., т. XI, 240). Въ 1818 г. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Я говѣю, т.-е. хожу въ церковь всякой день. Между тѣмъ обѣдаю нынѣшній день у гр. Н. П. Румянцева" (236; ср. 407). О деизмѣ и натурализмѣ (идеалистическомъ) Руссо см. у Н. Розанова, I, 11, 35, 60, 301, 480—481, 484. „Терминъ nature онъ употребляетъ въ иныхъ случаяхъ тамъ, гдѣ по смыслу слѣдуетъ подразумѣвать Dieu, Créateur, Être divin" и т. п. (59).

20. Всѣмъ систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ онъ предпочиталъ Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser Морица (Соч., II, 84). „Ничего нельзя доказать противъ чувства; нельзя увѣрить голоднаго въ пользѣ голода. Дайте намъ чувство, а не теорію" (Неизд. соч., 195).

21. Циклъ писателей передъ которыми преклонялся Карамзинъ, тотъ же, что у Руссо: Ричардсонъ (до эпистолярной стороны включительно), Шефтсбери, Юнгъ, Томсонъ, Попъ, Шекспиръ, Геснеръ, Монтэнь, наконецъ неизмѣнный Плутархъ (Н. Розановъ, 25, 26, 41, 45, 109, 131, 178, 180, 418—420, 491). Любопытно замѣчаніе о Вертерѣ (II, 304); ср. Геттнеръ (Ист. франц. литер., 354).

22. Сочин. II, 304, 366, 631. „Отчего Ж. Ж. Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отчего любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ? Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе... Однимъ словомъ я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ". (Соч. III, 372)... „Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ сло-

гомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма краснорѣчія" (ib. 529). Ср. II, 84, 304—309, 325, 341, 366—368, 458, 512, 555, 606, 624—632, 634. Восторгъ А. И. Тургенева отъ чтенія Н. Элоизы (Дневн., II, 250).

Графъ Л. Н. Толстой писалъ въ 1903 г. Октаву Мирбо: „Я думаю, что каждый народъ по своему выражаетъ въ искусствѣ общечеловѣческіе идеалы; вотъ почему мы испытываемъ особое наслажденіе, встрѣчая собственные идеалы, выраженные новымъ неожиданнымъ для насъ способомъ. Такое впечатлѣніе новизны произвела на меня французская литература, когда въ былое время я впервые прочелъ Альфреда де Виньи, Стэндаля, Виктора Гюго и *особенно Руссо*.—Письма Л. Н. Толстого, II, 1911, стр. 217; ср. 208). Въ 1905 г. онъ пишетъ: „Руссо былъ моимъ учителемъ, начиная съ 15-лѣтняго возраста. Руссо и Евангеліе два великихъ и благотворныхъ вліянія въ моей жизни. Руссо не старѣется... и т. д." (В. Евр. 1912, № 6, с. 59).

23. Сочин. II, 270, 271, 279, 301—303. Любимое время года для Карамзина—весна. (Соч. I, 55), какъ и для Руссо (Эмиль).

24. Сочин. III, 700—701. О преимуществѣ чувства передъ разумомъ въ Эмилѣ и Н. Элоизѣ. Ср. Розановъ, 28; также у послѣдователей Руссо (413, 486, 488). Но и Руссо дѣлаетъ оговорку въ пользу наукъ въ своемъ отвѣтѣ польскому королю Станиславу II.

25. О Монтэнѣ (Розановъ, 8, 203, 420, 491). Альбомъ Карамзина (Лѣт. рус. литер., издан. Тихонравовымъ, I, 169—192). Матеріалы для характ. Карамзина, какъ практич. философа, Н. Лыжина (ib. II, 1—12). Карамзинъ какъ оптимистъ, А. Д. Галахова (Отеч. Зап., 1858, т. CXVI, стр. 107—146). Взглядъ Руссо на христіанство (Розановъ, 36—37): „Его деизмъ принялъ новую искреннюю и сантиментальную окраску. Подъ вліяніемъ Руссо возродилось погасшее религіозное чувство". Высшій судія человѣческихъ дѣяній — совѣсть — этотъ „врожденный принципъ справедливости и добродѣтели... Совѣсть, совѣсть, восклицаетъ Руссо, божественный инстинктъ, безсмертный и небесный голосъ" и т. д. (Profession de foi du vicaire savoyard—въ Эмилѣ. Oeuvres compl., II, 260—262). „Дѣлайте, что и какъ можете, только любите добро, а что есть добро — спрашивайте у совѣсти", писалъ Карамзинъ А. И. Тургеневу въ 1815 г. (Соч. III, 737; Рус. Стар. 1899, № 2, с. 471). „Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но ему свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевывать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію",писалъ Карамзинъ въ концѣ жизни (1825, Мысли объ истинной свободѣ, Неиздан. сочин., 195).

26. Такой же взглядъ на значеніе религіи высказываетъ и Мабли (Б. Чичеринъ, Исторія политич. ученій, III, 184—185).

27. Сочин. II, 749. „Британія есть мать поэтовъ величайшихъ.“ (Поэзія).

28. Погодинъ, Карамзинъ, II, 278, 318.

29. Неиздан. сочин., I, 203.

30. Юмъ отзывается о Кромвелѣ пренебрежительно (см. его Исторію Англіи).

31. Москов. Журн., VII, 196. Во 2-мъ изд. Писемъ мѣсто это опущено (Сиповскій, 191). „Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться“. (II, 516). Въ Парижѣ ему полюбилась мелодрама Петръ Великій, въ которой „есть трогательныя сцены по крайней мѣрѣ для русскаго“ (II, 480—486).

32. Въ 1812 г. появился переводъ этого сочиненія на рус. языкъ. (О изученіи исторіи, Спб., 222+246+132). Мабли, какъ и Вольтеръ, въ противоположность Руссо, высоко ставитъ Петра Великаго.

33. Записки Смирновой, стр. 300. Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ А. А. Бестужеву: „Радуюсь твоимъ занятіямъ... Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! *Высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить*“. (Соч. Пушкина, VII, 766). „Блеснулъ Карамзинъ на горизонтѣ прозы, подобно радугѣ послѣ потопа“ и т. д. (А. Бестужевъ, Письма къ Дмитріеву, 0154).

34. Сочин. II, 140—141.

35. Ист. Госуд. Рос., V, 227; VI, 165. У Пушкина царь Борисъ говоритъ сыну: „Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка душа державъ“. Въ соч. о польскомъ правительствѣ Руссо говоритъ, что національные нравы и обычаи имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ предписывающіе и воспрещающіе законы. Руссо (какъ и вслѣдъ за нимъ Карамзинъ) подъ республиками разумѣютъ небольшія общины, въ родѣ городовъ греческихъ республикъ въ 24000 жителей, гдѣ почти всѣ знаютъ въ лицо другъ друга“. (Письмо къ Даламберу: „Sur les spectacles“).

36. Юмъ, An inq. conc. hum. underst s. ect. IV, V, VII, VIII. Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу Карамзинъ (1815) говоритъ: „Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства, написалъ: „Douce paix de l'âme résignée aux ordres de la Providence“. Даже Спиноза говоритъ о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему для нашего благоденствія“. (Рус. Стар. 1899, № 2, с. 471; соч. III, 737).

37. Письма къ Дмитріеву, 165.

38. Погодинъ, I, 255.

39. Письма къ Дмитріеву, 364.

40. Куно-Фишеръ, Ист. философ. III, 192—193, 223—225.

41. Сочин., II, 29—32.

42. Сочин., II, 706, 737—738, 770, 778—779, 462—463. Ср. у Юма, Essays, I, ess. XVI: Idea of a perfect commonwealth (о республикѣ Платона и Т. Мора). Сообщая впечатлѣнія о Лондонѣ, Карамзинъ дѣлаетъ сочувственный отзывъ о просвѣщенномъ русскомъ посланникѣ гр. С. Р. Воронцовѣ (683—684).

43. Сочин. II, 514—515.

44. Сочин. I, 424.

45. О „письмахъ“ Карамзина см. рѣчь Буслаева (М. 1866), весьма сочувственныя статьи Д. Н. Анучина (Р. Мысль, 1891, №№ 7 и 8) и книгу В. В. Сиповскаго, Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“. Спб. 1899; а также: I. Legras, De Karamzinio Laurentii Sterнii et „I. I. Rousseau“ nostri discipulo, Paris, 1897.

46. Сочин. III, 585—586. „Чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ революціи“, заключаетъ Карамзинъ (Сочин. II, 633), какъ думаетъ и Екатерина о Вольтерѣ.

47. Сочин., II, 149, 165, 184, 193, 203—204, 221, 252, 302, 337, 540, 744; ср. I, 543—544.

Ср. Юмъ, Essay VII; также утверждаетъ Руссо и его современникъ Бриссо. „Можетъ ли народъ, не имѣющій правительства, спрашиваетъ Бриссо, быть счастливымъ? Да, отвѣчаетъ онъ, если нравы его чисты“ (Ист. Обозр., V, 67).

48. Сочин. I, 289—296, 527. Въ одной изъ статей, вспоминая смутное время, Карамзинъ говоритъ: „Взаимная ненависть двухъ народовъ (русскихъ и поляковъ) рано или поздно кончится погибелью одного изъ нихъ“ (500).

49. Сперанскій писалъ: „Законъ положительный не что иное, какъ ограниченіе естественной свободы человѣка“.—Проектъ уложенія госуд. законовъ (Ист. Обозр., X, 25).

50. В. Евр. 1886, II. Два юбилея въ Берлинѣ, 858—860.

51. Lebensnachrichten, III, 274.

52. Неизд. соч., 28.

53. Письма къ Дмитріеву, стр. 236—237.

54. Сочин. I, 280, 365, 536.

55. Сочин. I, 483.

56. Сочин. II, 300; III, 341—342, 614—615; Письма къ Дмитріеву, 238.

57. Письма къ Дмитріеву, 323, 386.

58. Ibidem, 212, 258, 293, 324.

59. Ibidem, 388—389: „Да и кто можетъ быть министромъ народ. просвѣщенія? Развѣ Аполлонъ, говоритъ Карамзинъ. Читалъ ли ты рѣчи министра? (Шишкова). Возставать противъ грамоты есть умно-

жать къ ней охоту: слѣдственно дѣйствіе хорошо и достойно цѣли министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ".

60. Сборн. Ак. Наукъ, I, 42. Сѣтованіе на свое удаленіе въ письмѣ къ брату (Атеней 1858, № 28).

61. Сочин. III, 593—595.

62. Ibidem, II, 744—775; III, 351, 400—401. Карамзину принадлежитъ „Записка о Н. И. Новиковѣ", написанная для привлеченія вниманія импер. Александра къ бѣдственному положенію семейства Новикова, въ которой онъ защищаетъ мартинистовъ, „какъ христіанскихъ мистиковъ, требовавшихъ отъ учениковъ своихъ истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей" и „на свое иждивеніе" воспитывавшихъ бѣдныхъ молодыхъ людей въ школахъ и университетахъ, и вообще употреблявшихъ „не малыя суммы на благотворенія", почему „Новиковъ, какъ гражданинъ, полезный своей дѣятельностью, заслуживалъ общественную признательность; какъ теософическій мечтатель по крайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвой подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго". (Неизд. соч., I, 223—226).—Настоянія Карамзина на необходимости народнаго просвѣщенія вполнѣ оправдались однимъ позднѣйшимъ авторитетнымъ признаніемъ (Барсуковъ, Погодинъ, XVII, 194—97).

63. Письма къ Дмитріеву, 153, 202, 056, 066, 088, 0,89; Неизд. соч., 148, 150; А. Васильчиковъ, Сем. Разумовскихъ, II, 288—413. Его „Марѳа Посадница" казалась опасной даже менѣе благонамѣреннымъ людямъ (Гротъ, 49—50). Руничъ (Записки, Рус. Стар.) видѣлъ опасность даже въ языкѣ Карамзина.

64. Письма къ Дмитріеву, 236, 278, 396, 405; Сочин. III, 591.

65. См. нашу моногр. „Гр. Н. С. Мордвиновъ" (глава IV-я) и В. И. Семевскій, Крестьян. вопросъ въ Россіи, т. I, (гл. XXI); Руссо, Considérations sur le gouvernement de Pologne, chap. III, IV, VI.

66. См. переписку съ в. княг. Екатериной Павловной и женой (Неизд. соч.) и письма къ Дмитріеву. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу: „Карамзинъ былъ въ Твери. Здѣсь его встрѣтили съ кадильницами" (Отч. И. Публ. библ. 1895, прилож., с. 11).

67. Гр. А. И. Рибопьеръ замѣчаетъ, что Сперанскій, проѣзжая много лѣтъ спустя на воды, въ Берлинѣ сообщалъ ему, что партіи, во главѣ которой стояла в. кн. Екатерина Павловна, удалось повредить ему во мнѣніи государя". (Рус. Арх. 1877, II, стр. 6; ср. И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 194—195). Въ своей исторіи, Карамзинъ, сообщая о способѣ составленія Царскаго Судебника, какъ бы косвенно порицаетъ законодательныя работы Сперанскаго (Бестужевъ-Рюминъ, Ка-

рамзинъ, Рус. Біограф. Слов., 513; ср. О значеніи Карамзина въ ист. рус. законодат., Н. В. Калачова, Бесѣды люб. рос. слов. I, 1—23); но въ 1802 г. онъ писалъ: „какимъ великимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ Александровъ, когда исполнится монаршая воля его; когда будемъ имѣть полное методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ", и, указавъ вкратцѣ на ходъ русскаго законодательства, прибавляетъ: „Тогда законовѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ россіянъ и войдетъ въ систему общаго воспитанія". (Пріятные виды, надежды и желанія нын. времени, Соч. III, 591—593). Въ 1816 г. онъ повторилъ порицаніе дѣятельности законодательной коммиссіи бар. Розенкампфу (Неизд. соч., 156), а когда импер. Николай поручилъ Сперанскому составить Сводъ законовъ, на основаніи рус. узаконеній, то Карамзинъ на смертномъ одрѣ привѣтствовалъ это предпріятіе (Погодинъ, II, 474—576).

68. Въ „Эмилѣ" Руссо, не отрицая культуры, выражаетъ опасенія относительно слишкомъ быстраго ея хода. Онъ полагаетъ, что слѣдуетъ идти постепенно, безъ искусственнаго ускоренія, которое можетъ привести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Карамзинъ, стоя на той же точкѣ зрѣнія, употреблялъ даже терминъ „эволюція" въ позднѣйшемъ смыслѣ. „Я врагъ революцій, говоритъ онъ, но мирныя эволюціи необходимы: онѣ всего удобнѣе въ правленіе монархическое". (Р. Стар. 1874, т. XI, стр. 259).

69. Руссо умалялъ значеніе Петра В., видя въ его реформахъ только подражателя чуждымъ учрежденіямъ. Онъ говоритъ: „Pierre avait le génie imitatif... Il a d'abord voulut faire des Allemands, des Anglais, quand il fallait commencer par faire des Russes" (Contract social liv. II, chap. VIII).

70. Въ „Похв. словѣ" (1801) Карамзинъ писалъ: „Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе и когда уже слабый духъ ветхія республики не могъ управлять ея пространствомъ". (Соч. I, 289). Взглядъ Екатерины и оцѣнка его см. въ нашей статьѣ „Екатерина II, какъ историкъ" (Р. Арх. 1911, № 7).

71. Письма къ Дмитріеву, 170.

72. Письма Карамзина къ женѣ (Неизд. соч.). Въ ряду оффиціальныхъ лицъ особенными и продолжительными симпатіями его пользовался гр. Каподистріа, бесѣды съ которымъ имѣли поучительное значеніе для Карамзина (тамъ же и письма къ Дмитріеву): „вотъ умнѣйшій человѣкъ нынѣшняго Двора; кажется искреннимъ, однакожъ не безъ тонкости" (письма къ Дмитріеву, 195). „Я люблю его" (241). Свиданія ихъ хотя рѣдко, но длились по нѣсколько часовъ и на этомъ основывались, вѣроятно, особенныя симпатіи Карамзина къ греческимъ дѣламъ. (199, 205, 215, 223, 251, 269, 275, 304, 311, 313, 390 и примѣч. къ нимъ). Суровые отзывы о „вельможахъ" (214—215).

73. Полное изд. „Записки о древней и новой Россіи“, изд. загран. (Берлинъ, 1871) и въ 3-мъ изд. Пыпина „Обществ. движеніе“; съ нѣкоторыми пропусками (Р. Арх. 1870). Записка о Польшѣ въ Неиздан. сочин. (1—8). Вопросъ о Галиціи поднимался въ царств. Екатерины II (Храповицкій), при Александрѣ I (Шильдеръ), Николаѣ I (Р. Арх. 1910, № 5) и Александрѣ II (ib. 1911, № 7, с. 452).

74. Письма къ Дмитріеву, 346; письма къ Малиновскому, 43. Въ 1817 г., по поводу слуховъ о присоединеніи западныхъ губ. къ Польшѣ, М. Ѳ. Орловъ составилъ записку, въ родѣ протеста, подписанную многими высокопоставленными лицами и вызвавшую для него непріятныя послѣдствія (Богдановичъ, VI, 426); о немъ (Остафьев. Архивъ, I, 456—459). Намекъ имп. Александра I на мнѣнія Карамзина (Рус. Арх., 1911, № 7, с. 429).

75. Неизд. соч., I, 9—12; Старина и Новизна, II, 13—24. „Мы не измѣнили тайнѣ“,—о престолонаслѣдіи (Письма къ Дмитріеву, 413).

76. Сочин., III, 737; Р. Стар. 1899, № 4, с. 229.

77. Въ 1792 г. („Аглая“) Карамзинъ мечталъ приняться „за особенный трудъ“, быть можетъ исторію, замѣчаетъ Погодинъ (Карамз. I, 215). Въ „Наталіи боярской дочери“ (1792) Карамзинъ говоритъ уже съ любовью о тѣхъ временахъ, когда русскіе были русскими, когда они наряжались въ свои собственныя платья, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т.-е. говорили какъ думали“ и т. д., причемъ прибавляетъ: „старая Русь извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ“ (Соч. III, 82).

78. Неизд. соч. I, 205—208; Письма къ Дмитріеву, 111, 116.

79. Мысли для Похв. Слова Петру I любопытны по сопоставленіямъ требованій автора и характера Петра В. (Неизд. соч. 201—202). Тогда же Карамзинъ прочелъ переписку Лейбница съ Петромъ В. (I, 365). Въ стихотв. на коронованіе имп. Александра I онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что авторъ занимается россійской исторіей, и въ одѣ говоритъ:

„Отвѣту Кліи я внимаю,
. . . . . .
Я въ храмъ исторіи иду
И тамъ дѣла твои найду“. (1801).

80. Сочин. III, 166—238. Несмотря на республиканскія чувства, выраженныя въ рѣчи Холмскаго (т.-е. автора), находимъ тутъ же извѣстныя слова о порядкѣ, какъ факторѣ самодержавной власти: „Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной“ (III, 169). Ср. замѣтку Д. Л. Мордовцева: „Вѣчевой колоколъ“ (Ист. Вѣстн. 1886, т. XXIII, 1—14).

81. Сочин. I, 501. Пантеонъ русскихъ авторовъ, предпринятый для изданія П. Бекетова.

82. Остафьево, имѣніе князей Вяземскихъ, близъ Москвы (Подольскаго уѣзда). На дочери кн. А. И. Вяземскаго Карамзинъ былъ женатъ (во второмъ бракѣ). Описаніе с. Остафьева и занятій Карамзина см. у Погодина (В. Евр. 1866, II, 178—180); Остафьево, гр. С. Д. Шереметева (Рус. Вѣсти. 1890, № 2); Ostafievo, Souvenir d'une mission par le Baron de Baye, Paris, 1911 г. Подробная монографія „Карамзинъ въ Остафьевѣ“ (1811—1911, М. 1911) гр. П. С. Шереметева (103 стр.).

83. Переписка съ братомъ и др. лицами (Сочин. III; Зап. Ак. Н., т. LXXV, 91—95; Атеней, 1858, ч.ч. III и IV, №№ 19—28; Библіогр. Записки т. I, 1858, № 17, с. 579—592); письма къ А. И. Тургеневу (Р. Стар. 1899, № 1—4, съ примѣч. В. И. Саитова). Письма къ А. Ѳ. Малиновскому, М. 1860. Уже въ 1816 г. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Работаю усердно и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича. Вотъ прямо историческій предметъ. *Доселѣ я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей*“. (154).

84. Въ 2 мѣсяца вся „исторія“ разошлась (Соч. III, 729). Первое изданіе „исторіи“ печаталось въ Военной Медицинской и Сенатской типографіяхъ, лучшихъ того времени (письма къ Дмитріеву, Тургеневу и Селивановскому); однако былъ недостатокъ въ мелкихъ шрифтахъ для примѣчаній, такъ что пришлось набирать ихъ корпусомъ („бѣда не велика, немногіе будутъ читать ихъ“); нѣкоторые листы оказались испорченными и пришлось перепечатывать, а нѣкоторые экземпляры совсѣмъ безъ листовъ. „Москва отстала въ пріобрѣтеніи его исторіи“ (Письма къ Дмитріеву, 200, 216, 217, 227, 233, 255).

85. „О народѣ русской, котораго исторію писалъ я съ такимъ чувствомъ. Лучше писать, нежели печатать ее (исторію) въ русской типографіи“ (364), жаловался Карамзинъ. „Здѣсь (въ Петербургѣ) многіе почти ежедневно у Карамзина и не взяли его „Исторіи“, писалъ А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому, въ мартѣ 1824 г. Другіе просятъ прочесть... Но гдѣ же любовь къ полезному и славному“. (Остафьев. Арх. III, 26). По 1892 г. было 7 изданій „Исторіи“. Лучшимъ считается 5-ое (Эйнерлинга). При 2-мъ и 5-мъ „Ключъ“ (или алфавитн. указатель) къ „Исторіи“, составлен. (при 5-мъ исправленный и дополненный) П. М. Строевымъ. Библіографія сочиненій Карамзина—С. И. Пономарева (Сборн. Ак. Н., т. XXXVI) и “Источ. Славоря“, С. А. Венгерова, т. II.

86. „Я былъ во дворцѣ съ дочерьми, выходилъ и на Исаакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова и камней пять-шесть упало къ моимъ ногамъ“. (Письма къ Дмитріеву, 411); также къ А. И. Тургеневу (Р. Стар. 1899, № 4, с. 233).

87. Сочин. I, 577.

88. С. Н. Глинка въ Дамск. Журн. 1829 (XIII, 2—3); Рус. Арх. 1901, № 4, с. 700. Впечатлѣніе Болотова (Записки, IV, 277, 845).

89. Соч. Пушкина, изд. Акад. Наукъ. Переписка, I, 67; ср. 83; изд. Литер. фонда (V, 221): „Къ счастью Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова". Лучшая проза—Карамзина (V, 16, 76; ср. 304). М. Евгеній отличаетъ „риторство" Шишкова и „ораторскую рѣчь" Карамзина („образцы почти классическіе"). Переписка съ Державинымъ, 129; Сочин. Тихонравова, III, ч. I, 281.

90. Записки Рунича (Р. Стар. 1901, № 1, с. 47 — 52),—чѣмъ и злоупотребляли его противники въ нападкахъ на его произведенія (Лавровскій, рѣчь, 42—43). Подробн. см. Я. К. Гротъ, Карамзинъ въ исторіи рус. литер. языка (Ж. М. Н. Пр., т. CXXXIV, 20, 76 и въ собр. соч.).

Высшей степени простоты и естественности проза Карамзина достигла въ Вѣстн. Европы. Въ „Исторіи" замѣтна нѣкоторая искусственность, объясняемая тѣмъ, что о предметахъ важныхъ приходится говорить иначе, чѣмъ объ обыкновенныхъ, причемъ онъ здѣсь кстати пользуется лѣтописными словами (Гротъ, 20; Б. Рюминъ, Рус. Біограф. Словарь, 513). Позднѣйш. изд. повѣстей 1911 г.—10-е, А. Суворина. Повѣсти, какъ и письма Карамзина переводились въ свое время на разные языки.

91. Подр. см. М. П. Погодинъ, Судьбы русской археологіи (Труды I-го Арх. съѣзда, I, 1 — 61; нашъ Опытъ рус. исторіографіи, т. I, стр. 132—243); труды о Румянцовѣ (Кочубинскаго), о м. Евгеніи (Е. Ф. Шмурло и Полетаева), о Калайдовичѣ (Безсонова), о М. Н. Муравьевѣ (Старчевскій въ Библ. для чтенія), о Кругѣ (Куника), о Френѣ (Савельева), о Строевѣ (Н. Барсукова) и др.

92. Историческія справки Д. З. (Зубарева). Критич. замѣч. на V-й т. Ист. Госуд. Рос. Карамзина (В. Евр., 1825, ч. 144, № 11-й с. 187—217); замѣч. на эту статью (М. Телегр. № 15, с. 234—243); отвѣтъ (В. Евр., ч. 144, № 21, с. 17 — 29; М. Телегр, 1827, № 10, с. 85—91); ср. Барсуковъ, Погодинъ, II, 146); С. М. Соловьевъ (Карамзинъ и его литер. дѣятельность)—рядъ статей въ Отеч. Зап. 1853 — 56 гг. (см. 1854 г., № 5, с. 39—41; 1855, № 4, с. 102, 111, 136—137; № 25, с. 39—41; 1856, № 4, с. 409); П. Н. Милюковъ (Главн. теченія рус. историч. мысли, 123—132).

93. Соловьевъ, 102, 411.

94. Исторія, V. 1, 4; Сочин. II, 432 — 433; ср. Юмъ. Essay VII. О геніи, какъ терпѣніи въ превосходной степени, по Бюффону (Сочин. III, 529; Неизд. соч., 201 и Исторія, предисл.); „Исторія не метафизика; ей надлежитъ изображать дѣйствія и характеры", со ссылкой на

Іог. Мюллера (Письмо къ А. И. Тургеневу, 21 апр. 1811 г., Р. Стар. 1899, № 1, с. 235) и предисл., с. XII. О предисл. см. Неизд. соч., 205 и замѣч. Пушкина (Соч. VII, 98).

95. Исторія, V, с. 185—186.

96. Р. Стар. 1911 г., № 1, с. 131—132, 138; Неизд. соч., 104—105.

97. Онъ самъ признаетъ эту свою заслугу (письмо къ М. Н. Муравьеву). Соч. III, 685—687.

98. И. М. Собѣстіанскій, Ученіе о націон. особен. характера и юридическаго быта древн. славянъ, X, 1892, с. 32—39.

99. Библ. для чтенія, ч. XX, 108 — 110; Р. Арх. 1889, № 6, 165—166 (письма м. Евгенія); Бестужевъ-Рюминъ, Характ., 202; любопытное признаніе Кар—на (С. Отеч. 1818, № 8).

100. Исторія, II, 18, прим. 39.—По случаю смерти Шлецера (1809) Карамзинъ писалъ еще Тургеневу: „Искренно пожалѣлъ я о Шлецерѣ, не только въ отношеніи къ наукамъ, но и собственно ко мнѣ или къ труду моему: онъ такъ усердно занимался русской исторіей. Если получите продолженіе его „Нестора", то дайте мнѣ взглянуть на это послѣднее произведеніе знаменитаго критика" (Рус. Стар. 1899, № 1, с. 229). Но уже въ апрѣлѣ 1810 г. тому же Тургеневу онъ писалъ: „Здѣшняго Шлецера (сына) давно не вижу. Сомнѣваюсь, чтобы онъ рѣшился продолжать „Нестора". Для кого? Для семи или восьми любопытныхъ? Да и пользы немного. Изъясненія и переводъ текста весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія далѣе Нестора, а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новы для ученыхъ. Сынъ, конечно, не лучше отца знаетъ нашъ старинный языкъ" (ib., 231).

101. Исторія, V, 223—225. Представленіе К-на о быстромъ ростѣ Русскаго государства („шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ", II, 39) напоминаетъ тираду кн. Щербатова „о выходѣ Россіи вдругъ изъ самой грубости" (I, предисл.). Исторія—„зерцало", какъ у Миллера (Пекарскій, Ист. Ак. Н., I, 339).

102. Соловьевъ (рѣчь) назвалъ исторію Карамзина „великолѣпной поэмой собирателямъ русской земли, московскимъ князьямъ".

103. Исторія, VI, 224.

104. Ibid., V, 131; ср. IX, прим. 815.

105. Ibid., X, 73.

106. Исторія, VI, 5—6, 215—216; VII, 135; IX, 262.

107. Ibid., VII, 105; ср. с. 30.

108. Ibid., VI, 210—214; ср. 174; IX, 3—4, 262.

109. Предисл., къ ист., с. X.

110. Барсуковъ, Погодинъ, VIII, 206.

111. Исторія, VI, 31, 85 — 86, 210 — 211; IX, 85. Замѣчанія о

Псковѣ, VII, 28. „Историкъ строгимъ самомъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему, какъ человѣку, любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не ангелы“ (Соч., I, 416).

112. Ibidem, VI, 123; VIII, 133.

113. Ibid., VIII, 3; XI, 109; XII, 1.

114. Рус. Стар. 1899, № 2, с. 265. „Славный характеръ для исторической живописи“ (ib. 1898, № 10, с. 33, письмо къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ).

115. Неизд. соч., 119, 122—123, и въ „Исторіи“: „сей удивительный феноменъ“, (IX, 3).

116. Письма къ Дмитріеву, 210, 257, 271; Письма къ Малиновскому, 36.

117. Письма къ Дмитріеву, 279—280.

118. Остаф. Архивъ, I, 167, 552; II, 7—8.

119. Исторія, IX, 68, 259—262, 278—280. Объ умѣ Ивана IV Карамзинъ не разъ упоминаетъ (IX, 13, 63, 104, 114, 122, 167, 260). Ранній взглядъ на него сравн. съ Людовикомъ XI (Соч., II, 512).

120. Исторія, IX, 48, 61, 89, 94, 95, 98 и др. „Однимъ словомъ или всѣ злодѣйства Калигулы, Нерона, Коммода суть басни, или Іоанновы жестокости не подвержены сомнѣнію: доказательства первыхъ не достовѣрнѣе вторыхъ“ (IX, 3). Вопросъ о характерѣ Ивана IV вызвалъ обширную литературу (Арцыбашевъ, Полевой, Строевъ, Погодинъ, Соловьевъ, Кавелинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Бѣловъ и др.).

121. Ibid., IX, 259—262, 278—280, примѣч. 761. „Двадцать четыре года сносила Россія губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы въ лучшія времена имѣть Петра В., Екатерину II (*„исторія не любитъ именовать живыхъ“* С. Ист. IX, 258).

122. Ibid., 34—39.

123. Н. Барсуковъ, Строевъ, 239—240.

124. Н. Барсуковъ, Погодинъ, IV, 153; Рус. Арх. 1866, с. 1765—66. Опасенія относительно духовной цензуры (Письма къ Дмитріеву, 206).

125. Сочин. II, 488—489, 512; Письма къ Малиновскому, 56, 58.

126. Р. Арх., 1910, № 12, с. 686. Въ 1819 г. имп. Александръ хвалился кн. Вяземскому, что онъ прочелъ „Исторію„ Карамзина „съ начала до конца“ (первые 8 томовъ, Рус. Арх. 1911, № 7, с. 431). Такимъ образомъ онъ прочелъ всю исторію. Поправки имп. Александра извѣстны: онѣ касаются смягченія выраженій о полякахъ и о духовенствѣ (Неизд. соч. 26, 27, 29, 30, 34, 69). Письма къ Дмитріеву (345, 347, 358, 365).

127. Письма къ Малиновскому, 68.

128. Письма къ Дмитріеву, 345, 0155. Разсказъ Сербиновича (Р. Стар., XI, 63); разсказъ И. Р. Мартоса (К. Стар. 1896, № 6. 359—360); замѣч. П. А. Катенина (Р. Стар. 1911, № 6, стр. 596).

129. Рос. Исторія, кн. Щербатова (XI, 254; XIII, 204).

130. Ист. Госуд. Рос., XII, 3, 155).

131. Ист., XII, 180. Поступокъ ц. Маріы въ признаніи Самозванца сыномъ даетъ поводъ Карамзину обратиться къ сравненію съ геройствомъ лигурійской жены (Тацитъ, Histor. IV, 13) и не въ пользу первой: „Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца“ (XI, 180), говоритъ онъ.

132. Исторія, XII, 74—82.

133. Ibid., VIII, 139.

134. Чичеринъ, Ист. политич. ученій, III, 127, 336.

135. Исторія, IX, 3.

136. Ibid., IV, 147.

137. Ibid., XI, 177.

138. Ibid., III, 2, 61; IV, 56 — 57. Признавая у Безбородка (на основаніи его писемъ) „высокій государственный умъ“, онъ не могъ примириться съ нимъ по „отсутствію чистой нравственности“. (Письма къ Дмитріеву, 397).

139. Сочин. I, 415—416: апотеозъ чувствительности правителя.

140. Исторія, VIII, 59—60; IX, 259.

141. Ibidem, 65—66.

142. Исторія, IX, 259.

143. Р. Стар. 1874, XI, 56; Письма къ Дмитріеву, 291—292, 297.

144. Исторія, I, 154; III, 135—136; V, 216—217, 235—242; VIII, 70; IX, 271—273.

145. Ibid., IX, 118—120.

146. Р. Стар. 1898, № 10, с. 37.

147. Въ распоряженіи Карамзина находились дѣла цар. Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны—Волынскаго (двѣ кипы и сундукъ), Бирона, Лестока. „Знаешь ли, что̀ читаю, писалъ Карамзинъ Дмитріеву? Ужасы тайной канцеляріи (между нами!)... Гнусно и любопытно... Передо мной большой сундукъ... Ужасы!... Недавно читалъ я также допросы Лестоку и Бирону, жалѣя, что не буду писать исторіи сего времени. Прелесть!..“ (Письма къ Дмитріеву 1820—23 гг., 285, 362—363; 0131—0132). Дѣла эти онъ возвратилъ въ Архивъ кабинета въ 1824 г. (Р. Стар. 1874, XI, 71). О намѣреніи писать исторію своего времени (Неизд. соч., 104 — 105, 109, 118 — 119; Письма къ Дмитріеву, 181; письма къ импер. Маріи Ѳеодоровнѣ, Р. Стар., 1898, № 10. с. 33).

Онъ читалъ записки Брюса (о Петрѣ В.), дюка Лирійскаго (рукоп.), Храповицкаго, Екатерины II (отъ Тургенева), Понятовскаго, Дмитріева (который пересылалъ ему по мѣрѣ составленія ихъ; Письма къ Дмитріеву, 275, 277, 285, 328, 329), Миниха-отца и Порошина (Неизд. соч. 87, 89, 97, 101, 103); мемуары о Наполеонѣ (213 и др.). По поводу борьбы съ Наполеономъ (1813) онъ замѣчаетъ, что „Россійская исторія можетъ сдѣлаться еще любопытнѣе". (Письма къ Дмитріеву, 170).

148. „Я не придворный. Историографу естественнѣе умереть на грядѣ капустной, имъ обработанной, нежели на порогѣ дворца, *гдѣ я не глупье, но и не умнье другихъ*... Мнѣ бывало очень тяжело: теперь легче отъ привычки" (Письма къ Дмитріеву 1816, с. 194). „Скоро забуду, какъ пишутъ исторію" (199, 205, 218). „Всего лучше для меня сидѣть дома и читать, пока служатъ глаза. Думаю еще больше посвятить себя уединенію, если дастъ Богъ совершить мнѣ историческій трудъ свой, т.-е. дописать 12-й томъ и напечатать" (1825, с. 389). „Пусть никто не будетъ читать моей исторіи: она есть и довольно для меня"... „Работа сдѣлалась для меня опять сладкой"... „Знаю, что и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человѣчеству" (1825, ib. 408). „Я старъ для двора, а въ Петербургѣ связи наши часъ отъ часу слабѣютъ. Никуда не ѣзжу" (1826, ib., с. 414). Любопытно сопоставить отношенія къ Карамзину импер. Маріи Ѳедоровны (Р. Стар. 1898, № 10; Неизд. сочин., письма къ женѣ и Дмитріеву) и Елисаветы Алексѣевны, къ которой Карамзинъ питалъ особенную расположенность, по повидимому склонной „къ противочувствіямъ" (Р. Арх. 1910, № 3, стр. 446—449).

149. Французскимъ переводомъ (Сенъ-Тома и Жоффре), сначала веденнымъ при его участіи (11 т.), и нѣмецкимъ—Карамзинъ остался недоволенъ и тѣмъ болѣе итальянскимъ. (Письма къ Дмитріеву, 253, 279, 291, 300—302, 322, 324, 325; 0115, 0117, 0138). Послѣдній неполный, какъ и греческій. Въ другихъ сокр. примѣчанія.

150. Отзывы иностранной критики онъ сообщалъ Дмитріеву и особенно цѣнилъ мнѣніе „славнаго нѣмецкаго историка" Герена (279, 299; 0151, 0153)—въ Götting. Gelehr. Anz. 1822 (переводъ ея въ Сѣв. Арх. 1822). О статьѣ Лелевеля (въ Сѣв. Арх.) онъ отзывался рѣзко (Письма къ Дмитріеву, 342—343, 368; 0153, 0162). Ср. Рус. Стар. 1878, т. XXII, 633—656; XXIII, 75—98: „Лелевель какъ критикъ Ист. гос. рос. Карамзина", переписка съ Ѳ. Булгаринымъ, 1820—1830 гг.). О критикѣ Каченовскаго вообще Карамзинъ говоритъ: „Критика *его* весьма поучительна и добросовѣстна. Не имѣю духа бранить тебя за твое негодованіе; но самъ не хочу сердиться"—и содѣйствовалъ избранію его въ члены Рос. академіи (Письма къ Дмитріеву, 261; ср. 238, 245, 258,

087, 0101—0102, 0108). О разныхъ толкахъ и нападкахъ по поводу „Исторіи“ (Барсуковъ, Погодинъ, т. II-й). Отзывъ Ермолова (въ зап. Пушкина) и Сперанскаго (Р. Арх. 1871, № 3, с. 434; 1869, с. 920; послѣдняго—разнорѣчивы). Сперанскій только гр. Уварова и Карамзина считалъ русскими учеными, за исключеніемъ нѣмцевъ (Р. Арх. 1869, 919). Кругъ нашелъ Карамзина ученѣе, чѣмъ воображалъ раньше (Неизд. соч.. 166). Критически относился къ „Исторіи“ и гр. Н. П. Румянцовъ (Переписка м. Евгенія, 89; Кочубинскій, 148; о чтеніи имъ исторіи Карамзина см. въ „Матеріалахъ для ист. Рум. м.“ Кестнера, 12—13). М. Евгеній иногда сурово отзывался объ исторіи Карамзина (письма къ Анастасевичу въ Р. Архивѣ), а иногда не менѣе сурово относился къ его критикамъ. (Арцыбашеву, Сборн. Ак. Н., т. V).

151. Остафьев. Арх., II, 289. Записка сына покровителя Карамзина, Н. М. Муравьева (Погодинъ, Карамзинъ, II, 198—203); отзывъ другого Муравьева (Н. Н.)—въ собр. его сочин., т, X-й; ср. Р. Стар. 1899, № 1, с. 220). О мнѣніи Ал. Бестужева-Марлинскаго (Рус. Вѣст. 1861, февр. и апр.; 1870, № 6). Если противники Карамзина переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина (зап. Пушкина), то и Жуковскій назвалъ Карамзина „нашимъ Титомъ Ливіемъ“, въ похвальномъ смыслѣ (Погодинъ, II, 93). Пушкинъ, написавшій эпиграммы на „исторію“ Карамзина, потомъ иначе говорилъ о его трудѣ (Соч. по изд. Литерат. фонда, I, 195; V, 40, 41, 58—59; VII, 133, 150) и взялъ на себя защиту послѣдняго противъ нападокъ Полевого (V, 74—81). Жестокій отзывъ П. А. Катенина (Р. Стар. 1911, № 6, с. 612).

О впечатлѣніяхъ и отзывахъ по поводу исторіи Карамзина см. еще въ современной перепискѣ (Остф. Арх., I 339, 652; II, 7, 288—291; III, 19, 26, 28, 117, 146, 154, 164, 182, 203—205). По объясненію кн. Вяземскаго противники Карамзина относительно его взглядовъ стояли исключительно на политической точкѣ зрѣнія (Р. Арх. 1895, № 10, с. 210), и подъ такимъ впечатлѣніемъ написаны эпиграммы Пушкина и Грибоѣдова (Стар. и Новиз., II, 207, 220—221). Любопытенъ отзывъ Гоголя о Карамзинѣ, какъ независимомъ писателѣ (Соч. М. 1867, III, 387—388). Прибавимъ, что извѣстный нѣмецкій писатель Берне сочувственно отнесся къ рус. исторіи и цѣнилъ правдивость и художественность изложенія Карамзина (3-е изд. соч. Берне, Stuttg. 1840, III, 318—321; В. Евр. 1866, II, с. 180—181). Поздн. сужденія въ средѣ рус. ученыхъ (Зап. Никитенка, I, 198, 240, 280; II, 315, 323, 379, 419, 466, 470).

152. Объ этомъ тріумвиратѣ см. наши статьи въ Рус. Арх. 1886, т. III, и въ Крит. біогр. Словарѣ, С. А. Венгерова (Арцыбашевъ).

153. Остаф. Арх. III, 204—205, 355—356; ср. Дневн. А. И. Тургенева, II, 362, 359—96, 398.

154. Р. Архивъ, 1895, № 10, с. 214—215. Почитатели Карамзина составили своего рода Катехизисъ (10 заповѣдей), свидѣтельствующій о почтительной къ нему памяти (Р. Стар., 1895, № 5).

155. Остаф. Арх., IV, 334. И послѣдующее поколѣніе часто цѣнило въ Карамзинѣ человѣка больше, чѣмъ писателя и историка (Зап. сенат. Лебедева, Р. Арх. 1911, № 7, стр. 390, 391, 425, 431). „Честность, вотъ знамя, которому онъ не измѣнялъ никогда," замѣчаетъ одинъ изъ его позднѣйшихъ біографовъ (Е. Соловьевъ, Карамзинъ, 71).

156. Письма къ Дмитріеву, 402; Р. Стар. 1898, № 10, 34; Соч. III, 737.

157. Сочин. II, 67, 648; Погодинъ, I, 81, 376.

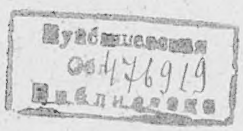
158. Сочин. III, 737. Въ 1826 г. Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: „Карамзинъ со временемъ можетъ служить центромъ записокъ современниковъ въ родѣ записокъ Garat, но съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ Suard. Все русское просвѣщеніе начинается, вертится и сосредоточивается въ Карамзинѣ. Онъ лучшій нашъ представитель на Сеймѣ Европейскомъ. Ты часто хотѣлъ писать прозою: вотъ прекрасный предметъ! Напиши взглядъ на заслуги Карамзина и характеръ его гражданскій, авторскій и частный. Тутъ будетъ мѣсто и воспоминаніямъ твоимъ о немъ. Можешь издать ихъ въ видѣ отрывка изъ твоихъ записокъ" (Переписка, I, 362). О программѣ кн. Вяземскаго для біогр. Карамзина (Ист. Вѣст. 1888, № 10, с. 122—25).

159. Рус. Стар. 1899, № 1, с. 226, 228.

160. Біогр. и характер., Бестужева-Рюмина, 206, 226—229. И. И. Срезневскій говоритъ: „Изъ примѣчаній къ Ист. гос. рос. можно выдѣлить большую книгу записокъ о древнихъ памятникахъ русской письменности: ея одной было бы достаточно для ученой дѣятельности и славы русскаго писателя не только того, но и нашего времени. О многихъ изъ древнихъ памятниковъ Карамзинъ сказалъ первое слово; ни объ одномъ не сказано слова не кстати и безъ критики... О многомъ въ этой долѣ примѣчаній Карамзина надобно справляться и теперь... Карамзинъ историкъ, это значитъ Карамзинъ палеографъ, нумизматъ, хронологъ, генеологъ и т. д., и т. д., во всемъ изслѣдователь, во всемъ критикъ, во всемъ требовательный, какъ только можно было бы быть требовательнымъ, болѣе, чѣмъ современный, не въ тѣсномъ смыслѣ нашихъ русскихъ ожиданій, а въ высшемъ смыслѣ ожиданій и желаній вождей науки. Забывать эту сторону въ Карамзинѣ значитъ не понимать Карамзина. Великій писатель онъ не потому только, что писалъ прекрасно и нравился, а и потому, что былъ высокотребователенъ въ научномъ отношеніи". (Обз. матеріаловъ для изуч. слав. рус. палеографіи, Ж. М. Н. Пр., ч. CXXXIII). Надеждинъ замѣчаетъ: „Примѣчанія Ка-

рамзина можно назвать библіотекою нашей древности“ (Библ. для чтенія 1837, т. XX, 110).

161. Ист. Гос. рос. въ отнош. къ ист. рус. права, С. М. Шпилевскаго. (Статьи для произнес. въ торжеств. собр. Казан. универс., 1866, 164—211).

162. Вѣстн. Евр., 1866, II, с. LX.

В. Иконниковъ.